Щит и Молот

1(4)/ 2012

Газета национал-большевистского фронта

www.nbf.rossia3.ru

В нашей газете вы найдёте материалы по истории НБ и НС идеологий, информацию о современных НБ движениях в России и за рубежом, разнообрные статьи сторонников и соратников НБФ, стихи, новости, материалы с наинтернет ресурсов и многое другое... Если вы желаете опубликовать свои материалы, либо помочь нашей газет можете легко связаться с нами по электронной почте nbrussia@gmail.com
Наша группа в социальной сети «ВКОНТАКТЕ» http://vkontakte.ru/nazbol_nbf/
Официальный сайт НБФ http://nbf.rossia3.ru/

..::АНОНС::..

Дугин А. В комиссарах дух самодержавья 2

Устрялов Н.В. Хлеб и вера 5

Правые и левые - политическая азбука 7

OSTарбайтеры 8

Кто и зачем зовет чекистов на митинги

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ 10

Урок словестности

Этничность в тени классовой теории 13

О НАСТОЯЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Что мы наблюдали в ходе массовых митингов на тему выборов. Основной вывод, что между властью и этой оппозицией нет антагонистических противоречий. Фигуры из власти и оппозиции свободно перетекают из лагеря в лагерь. СМИ освещают все это дело, милиция не преследует. Это не что иное, как вялотекущая борьба между двумя лагерями господствующего класса, которая просто вышла на поверхность.

Какой же из лагерей лучше? - Оба хуже!

Все вышеозначенные события не что иное, как трения между либералами-теоретиками (утопистами и интеллигенцией) и практиками (силовиками и управленцами). Последние являются столь же либералами, как и первые. Чиновники и силовики давно уже оценили прелести капитализма, крышуют бизнеса, имеют недвижимость и активы за рубежом, столь же тяготеют к «Западу» - его ценностям, образу жизни, как и интеллигенция. Только «дуются» порой на то, что их там не принимают «на равных», в отличие от либеральной интеллигенции, которая на брюхе готова ползать, бичевать себя и самоуничижаться перед «светочами» демократии и прогресса.

Все эти политические бури затрагивают лишь узкий слой населения сконцентрированный преимущественно в столице. К народу это имеет отношение в той же мере, как допустим если бы монголы захватившие Китай начали среди себя внутридинастическую войну и разделились на противоборствующие партии. Какое бы это имело отношение к Китайцам? - Абсолютно никакого!

Но это полезно тем, что конфликт внутри господствующей элиты расшатывает и без того рыхлый механизм российской государственности. Он дрожит и вибрирует, будто бы сотрясаемый колебаниями – дымится, лопаются шланги, отлетают детали и сыпятся болты.

И когда господствующий класс парализует себя внутренним противоборством, вот тогда грянет настоящая революция – красная, потому что кровавая.

Народ будет удалять из себя с кровью и гноем занозу капитализма, которая долго и мучительно убивала страну. Капитализм и его ценности – абсолютно чуждые и не применимые на нашей холодной и скудной почве на протяжении двадцати лет методично разрушали здесь всё живое, вынося на поверхность только ядовитую пену муть и разложение.

Проповедь ценностей индивидуализма и потребления в стране, где с подобными представлениями исторически было невозможно выжить, превратилась в ментальный террор над коллективным бессознательным народа. Отсюда упадок морали, деградация, пьянство и наркомания. По сути это просто саботаж народом чуждых, навязываемых ему силком ценностей.

И именно сейчас подавленное коллективное бессознательное нанесёт ответный удар. И он будет страшен. Это будет похоже на восстание дикаря с завязанными глазами и дубиной в руках. Но бесспорно это будет лучшим выходом чем медленная агония растянутая на десятилетия. Из этого пламени должна будет родиться совсем другая цивилизация, другой народ и совершенно иное общество.

Вулкан просыпается – колеблют почву под ногами первые подземные толчки.

Максим Журкин

Дугин А. «В комиссарах дух самодержавья»
(генеалогия русского национал-большевизма)

"Убийца красный святей потира!"
Николай Клюев

Самым полным и интересным (на сегодняшний день) исследованием русского национал-большевизма является книга Михаила Агурского. Агурский был диссидентом, в 70-е эмигрировал из СССР в Израиль, но вместе с тем, его отношение к советскому национал-большевизму остается в высшей степени объективным, а в некоторых случаях в оценках сквозит глубокая симпатия. На наш взгляд, труд Агурского - самое серьезное произведение, посвященное советскому периоду русской истории помогающее понять его глубинный духовный смысл.

1. Национальное признание большевизма

Агурский определяет сущность русского национал-большевизма так: "... С самого начала большевистской революции большевизм и само новое советское государство получили признание со стороны различных групп эмиграции и в самой России как отвечающие истинным русским национальным и даже религиозным интересам. Численность этих групп была относительно невелика, и не всегда эти группы были влиятельны, но их голос был слышен, и с их точкой зрения были знакомы широкие круги как вне партии, так и внутри нее. Национальное признание большевизма было весьма разнообразным.

Его считали русским национальным явлением и левые и правые, гуманитарии и инженеры, гражданские лица и военные, духовенство и сектанты, поэты, писатели, художники. Наибольшим успехом ознаменовалось т.н. сменовеховство, возникшее относительно поздно в кругах правой русской эмиграции. Именно в его рамках был впервые сформулирован и национал-большевизм, хотя к нему по праву могут быть отнесены почти все ранние формы национального признания большевизма, включая скифство.

Центральной фигурой эмигрантского национал-большевизма в начале 20-х гг. оказался Устрялов, а внутрироссийского - Лежнев.

Если бы все это осталось в рамках небольшевистских кругов, это имело бы очень ограниченный интерес. Но этого не случилось..."

2. "Смена вех"

Впервые тезисы русского национал-большевизма появились в среде крайних кадетов, в той или иной степени связанных с Николаем Устряловым. Однако самому Устрялову на возможность радикального перехода от "белого" национализма к "красному" указал другой кадет Ю.Ключников. Поняв в какой-то момент неизбежность поражения белых и исходя из своей во многом народнической философии истории, - утверждающей, что историю творит именно "народный дух", выражающийся подчас парадоксально и использующий в определенные моменты самые неожиданные идеологии и социально-политические инструменты, - эти кадеты-националисты пришли к радикальному пересмотру своих антибольшевистских позиций и выдвинули тезис о том, что самыми последовательными националистами-государственниками на данный момент в России являются большевики. Конечно, эта идея оформилась в столь радикальных терминах не сразу, но ее основные черты ясно проступают уже в первых национал-большевистских текстах, объединенных в сборнике "Смена вех", опубликованном в Праге в начале 1921 года. Авторами сборника были Ю.Ключников, Ю.Потехин, С.Чахотин, А.Бобрищев-Пушкин, бывший прокурор Святого Синода С.Лукьянов и др. Но ведущую интеллектуальную роль в этом движении, получившем устойчивое название "сменовеховство", играл именно Устрялов. "Сменовеховство" было с восторгом принято самими большевиками, особенно Лениным, Троцким и Сталиным, так как они увидели в нем возможность некоей промежуточной идеологии, способной привлечь на сторону новой власти "спецов" и значительные пласты гражданского населения, еще не готовые принять коммунизм в чистом виде. Именно через идеологию "сменовеховства" произошло практическое соединение большевистской власти с широкими социальными слоями. Но сила идей такова, что практически никогда не получается использовать их в чисто прагматических целях, так как идеи всегда имеют и обратное воздействие. Параллельно тому, как большевики использовали "сменовеховство" в своих целях, само "сменовеховство" активно влияло на эволюцию большевистской идеологии. Агурский показывает, что наиболее чистые марксистские ортодоксы, и особенно Зиновьев, прекрасно отдавали себе в этом отчет и с самого начала боролись против национал-большевизма не смотря на те практические выгоды, которое оно давало большевикам в самый сложный для них период.

Пареллельно "сменовеховству" развивалось иное, довольно близкое к нему течение - евразийство, или по крайней мере его левое крыло. И "сменовеховцы" и "левые евразийцы" кончили тем, что полностью встали на сторону большевиком и подавляющее большинство их вернулось в Советскую Россию и интегрировалось в социалистическое общество. Всех авторов, проделавших такую эволюцию - Ключникова, Бобрищева-Пушкина, Кирдецова, Лукьянова, Львова и т.д. Агурский причисляет к "левым национал-большевикам", которых он отличает от "правых национал-большевиков", чьим бесспорным лидером и высшим духовным авторитетом был Устрялов, остававшийся за пределом России в Харбине до середины 30-х и до конца сохранявший определенную дистанцию от советской системы несмотря на всю свою симпатию к ней. В исследовании Агурского явно проступает идея о том, что он представляет собой не просто сложное и внутренне многоплановое, но принципиально двойственное явление. Хотя нигде Агурский не говорит об этом прямо, его национал-большевизм в его трактовке разделяется на две составляющие, которые соответствуют двум его идеологическим аспектам. В принципе, речь идет о двойственности идеологии Консервативной Революции как таковой, а именно ее выражением и был исторический русский национал-большевизм. Показательно, что в национал-большевистском контексте, как напоминает Агурский, термин "революционный консерватизм" (впервые употребленный славянофилом Самариным и взятый на вооружение немецкими национальными идеологами) принял на вооружение именно Исай Лежнев, столп советского "левого национал-большевизма".

3. Левый национал-большевизм

У любой революции есть "консервативная" подоплека, которая выражается в противопоставлении актуальному положению вещей - Системе - архаической парадигмы, давно забытой и утраченной в обычном, нереволюционном и нерадикальном консерватизме. Внешне эта тенденция часто бывает настолько "нигилистична" и "разрушительна", что увидеть ее "консервативное", "архаическое" начало крайне трудно. Именно этот аспект и следует назвать "левым национал-большевизмом".

Агурский показывает, что такой "левый национал-большевизм" исторически восходит в русскому эсхатологическому сектантству, старообрядчеству, народному апокалиптизму. Его более современными носителями становятся вначале некоторые "славянофилы", - самые крайние представители которых (в отличие от умеренных консерваторов) ненавидели лютой ненавистью весь романовский "петербургский период", который они считали отступлением от истинно национального подлинно православного строя, - а потом и "народники" - Герцен, Огарев и т.д. вплоть до Бакунина, Ткачева и Нечаева, а также левых эсэров. В этом направлении доминирует "мистический нигилизм", идея того, что "спасения" (читай социального блага, построения справедливого общества и т.д.) в настоящих условиях нельзя достичь традиционным, конвенциональным, установленным путем, безвозвратно потерявшим свою легитимность и действенность. Остается лишь парадоксальный путь "святости через грех" или "созидания через уничтожение, ниспровержение".

Левый национал-большевизм начинается с самосожжений староверов, с радикальных течений беспоповцев, таких как "нетовцы" (или "Спасово согласие"), а также с вышедших из этой среды "духовным христиан", известных как хлысты. В этой среде было распространены представления, о том, что "антихрист" уже пришел в мир и что русская государственность и официальная церковь целиком подпали под его влияние. Против такой десакрализированной государственности и ставшей безблагодатной церкви сектанты выдвигали идею "невидимого града" и "общины избранных", которые, следуя страшными путями, стяжают себе избавление через протест, разрушение, особый путь "святотатственной (по крайней мере с обычной точки зрения) святости".

Террористов-народников и, в частности, Нечаева следует понимать исходя именно из этого "религиозного нигилизма", свойственного русской национальной стихии, как некая неформальная, параллельная идеология, редко отчетливо выраженная, но все же потенциально присутствующая в широких народных массах.

Отголоском этой же идеи, но уже в иной, сугубо интеллигентской среде, является, по Агурскому, российский мистический реннессанс, т.н. "новое религиозное сознание", связанный с Владимром Соловьевым и всем течением русского символизма, на который он в высшей степени повлиял. Соловьев подошел к той же самой мистико-нигилистической реальности с другой стороны - через западный мистицизм, гегельянство, интерес к гностическим и каббалистическим доктринам. У Соловьева также ясно различим механизм, благодаря которому гностическая

(продолжение на 3 странице)

Дугин А. «В комиссарах дух самодержавья» (Продолжение. Начало на стр. 2)

идея, родственная анабаптистам, катарам, альбигойцам и т.д., воплощается с модернистической теории "прогресса". Агурский называет концепцию Соловьева "оптимистической эсхатологией", согласно которой, социальное и техническое развитие общества протекает в направлении возврата к "золотому веку". Агурский пишет: "Чтобы примирить факт неоспоримого прогресса конца XIX века, который казался убедительным аргументом в пользу оптимистической эсхатологии, с не менее неоспоримым фактом падения христианства как в народе, так и в интеллигенции, носительнице этого прогресса, Соловьев приходит к парадоксальному выводу о том, что ныне Дух Божий покоится не на верующих, а на неверующих." В принципе, практически то же утверждали наиболее радикальные старообрядцы "нетовцы", вообще отрицавшие саму возможность спасения через какие бы то ни было внешние ритуалы и считавшие, что отныне исключительная возможность этого спасения может быть дарована только по сверхразумной и непостижимой воле Христа совершенно независимо от заслуг верующего - в пределе даже независимо от наличия или отсутствия самой веры. Конечно, "новое религиозное сознание" отнюдь не сводимо к "левому национал-большевизму", но оно послужило его важной теоретической предпосылкой, развитой лишь наиболее радикальными мыслителями, либо примкнувшими к большевикам, либо вышедшими из их среды.

"Левый национал-большевизм" относится к наиболее экстремистским вариантам этой идеологии, с которыми связано теоретическое оправдание самых страшных и кровавых аспектов революции. Более всего он характерен для левых эсеров и особенно для той их части, которая вошла в историю под именем "скифство". В некотором смысле, сам термин "скифство" можно рассматривать как синоним левого национал-большевизма.

4. "Скифство"

Под названием "Скифы" в конце 1917 - начале 1918 годов вышло два сборника, в которых нашла свое первое отражение идеология "левого национал-большевизма". Смысл этой идеологии сводился к рассмотрению Октябрьской революции как мистического, мессианского, эсхатологического и глубоко национального явления. Главным идеологом "скифства" выступили левый эсэр Иванов-Разумник, член президиума ВЦИК С.Мстиславский и поэт и писатель Андрей Белый (Бугаев). Вокруг них группировались также знаменитые поэты и писатели, ставшие классиками советской литературы: Александр Блок, Сергей Есенин, Николай Клюев, Алексей Ремизов, Евгений Замятин, Ольга Форш, Алексей Чапыгин, Константин Эрберг, Евгений Лундберг и т.д.

Для скифства была характерна "апология варварства" (против цивилизации Запада), обращение к архаической стихии нации, воспевание разрушительной спонтанности, созидающей "новый мир". Некоторые авторы были отмечены христианской идеей (в ее старообрядческом - как Клюев - или просто неортодоксальном, нонконформистском виде - как Блок и Есенин). Характерно следующее высказывание Блока того периода, прямо предвосхищающее тезисы Шпенглера: "... цивилизованные люди изнемогли и потеряли культурные ценности. В такие времена бессознательными хранителями культуры оказываются более свежие варварские массы." Программой "скифства" можно признать поэму Блока "12", в которой большевизм и революция откровенно связываются с Христом.

К "левому национал-большевизму" можно отнести и некоторые чисто религиозные явления - такие как "обновленчество" и проект "Живой Церкви", которые активно продвигались сторонниками "христианского социализма" и которые видели в революции осуществление истинных христианских идеалов. Языческую версию этого же эсхатологического комплекса развивал Валерий Брюсов, связывавший Революцию не с христианским, но с магико-пантеистическим обновлением, с возвратом к теургии древних дохристианских культов.

Среди деятелей молодого советского режима особенно выделялся Исай Лежнев, который был основным идеологом национал-большевизма в России и главным проводником "сменовеховских" тенденций эмигрантских национал-большевиков. Лежнев исходил из принципов абсолютности "народного духа", который для него был высшим мерилом и главной осью истории. Если народ приходит к революции, значит это соответствует его внутренним потребностям, хотя для исполнения своей воли он может использовать любые идеологические, концептуальные и социально-политические инструменты. Для Лежнева революционное разрушение и потрясения оправдывались именно национальной необходимостью и, следовательно, несли в себе высший провиденциальный смысл, скрытый за внешним варварством. Эту же идею емко выразил другой национал-большевик, профессор Н.Гредескул, один из основателей партии кадетов, который самостоятельно пришел к "сменовеховству" независимо от Устрялова. Он писал: "Либо Советская Россия есть какой-то выродок, и тогда вина за это падает на русский народ, и нет ему в этом оправдания, ибо целый народ не должен добровольно отдаваться шайке разбойников, либо Советская Россия есть зародыш - зародыш нового человечества, попытка трудящихся осуществить свои вековечные чаяния." Лежнев нисколько не сомневался, что "Советская Россия есть зародыш нового человечества".

Другим проявлением "левого национал-большевизма" можно назвать литературу т.н."попутчиков" - Б.Пильняк, К.Федин, А.Толстой, Л.Леонов, Вс.Иванов, В.Лидин и т.д. В их творчестве легко можно найти все характерные для этого явления мотивы. Вот например выдержка из романа Бориса Пильняка. - "Сейчас же после революции Россия бытом, нравом, городами - пошла в XVII век. В России не было радости, а теперь она есть... Революции, бунту народному, не нужно было - чужое. Бунт народный - к власти пришли и свою правду творят - подлинно русские подлинно русскую." Попутчики прославляли национальную стихию бунта, видя в большевизме - "новую пугачевщину", исконно русское, во многом архаическое явление.

В некотором смысле, к "левым национал-большевикам" можно отнести и Максима Горького, который пытался создать особую народническую религию, определенные аспекты которой почти тождественны идеям радикальных немецких националистов.

Горький писал: "Народушко бессмертный, его же духу верую, его силу исповедую; он есть начало жизни единое и несомненное: он отец всех богов бывших и будущих". Нечто подобное можно было встретить и у теоретиков немецкой Консервативной Революции и даже у нацистов. Горького сближает с ними и увлечение Ницше...

5. Правый национал-большевизм

Вторая принципиальная сторона национал-большевизма может названа "правой", "консервативной". "Правый национал-большевизм" исходит из такой логики. - Жизнь нации, государства, народа представляет собой некий органический процесс, всегда сохраняющий нетронутым свой центр. Во всех динамических преобразованиях - в том числе кризисах, революциях, мятежах - проступает диалектика "народного духа", которая приводит к провиденциальным целям, независимо от желаний и воли самих непосредственных участников событий. Нация остается равной самой себе - как живой организм - на разных стадиях своего существования, и даже ее болезнь подчас есть синдром обновления, путь к укреплению. Бытие народа глубже и абсолютнее его социально-политической истории.

Следовательно, все изменения в рамках нации суть явления консервативные, независимо от того в какие внешние формы они воплощаются. Эта концепция "правого национал-большевизма" была последовательно и полноценно сформулированна Николаем Устряловым. Для Устрялова большевизм и революция были лишь этапами истории русской нации, причем диалектически направленными на преодоление того кризисного состояния, которое только и сделало революцию возможным. Иными словами, Устрялов и другие "правые национал-большевики" видели "консервативный" элемент не в самой теории революции, не в самой сущности "нигилистического гностицизма" (как "левые"), а лишь в постоянстве национального контекста, подчиняющего себе весь социально-политический инструментарий - вплоть до революции.

Такой устряловский национал-большевизм был созвучен некоторым "белым" идеологам, левому крылу кадетов, определенной части монархистов (Шульгин - самый яркий представитель этого направления), и особенно евразийцам, которые пришли в анализе революции практически к тем же выводам, что и правые национал-большевики.

"Правый национал-большевизм" отличается от "левого" (с которым у него все же есть множество общих черт) тем, что он не считает "революцию", "варварство", "разрушение" самодостаточной ценностью. Стихия религиозного отрицания - столь существенная для "левого национал-большевизма" и для его корневого гностического импульса - чужда "правым национал-большевикам", которые видели в революции лишь временное преходящее зло, тут же преодолеваемое позитивом нового национального утверждения. Показательно, что "правые национал-большевики" чаще всего в момент самой революции и в гражданской войне занимали сторону "белых", оставивая "старый порядок", пока это еще было возможно, но как только "белое дело" окончательно проиграло, они стали приветствовать и поддерживать у новой власти все то, что также было созвучно порядку, хотя бы и новому. "Левые национал-большевики" со своей стороны приветствовали в большевистской власти не то, что она была "порядком", но как раз то, что она была сущностно "новым порядком". Для них было важна не преемственность и постоянство какой-то непреходящей, всегда равной самой себе реальности, но "рывок", "мистерия обновления", радикальное преображение мира, "трансцендирование", выход за пределы. Поэтому-то "левый национал-большевик" Есенин писал: "В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее." Сам Устрялов никогда не скрывал, что видит в "национал-большевизме средство для преодоления большевизма". Иными словами, он рассматривал революцию и большевиков с чисто прагматической точки зрения - как силу, которая единственная на данном этапе могла обеспечить России наиболее эффективную национальную централизованную власть. Устрялов полагал, что "большевизм" под воздействием русской национальной стихии и под давлением геополитического и исторического масштаба государства превратится в "фашистский цезаризм", т.е. в тоталитарный строй, ориентированный на отстаивание русских национальных интересов как в политической, так и в экономической сфере.

"Правый национал-большевизм" пренебрегал наиболее радикальными аспектами коммунистической идеологии, считал, что оптимальным для России был бы возврат к рынку и к крестьянскому строю. Но в целом, отношение к экономике было чисто прагматическим (как у нацистов): какой экономический уклад выгоден для нации, такой и надо принять. Устрялов считал мелкобуржуазный режим самым эффективным, и поэтому так восторженно приветствовал НЭП, который идеологически и обосновал и, возможно, приблизил, так как с мнением Устрялова считались многие партийные вожди, в том числе и сам Ленин. Многие коммунистические критики этого направления - Зиновьев, Каменев, позже Бухарин - особенно подчеркивали "нэповскую" ориентацию устряловской идеологии, и

(продолжение на 4 странице)

Дугин А. «В комиссарах дух самодержавья» (Продолжение. Начало на стр. 3)

строили именно на этом свои нападки на национал-большевизм, обходя молчанием более деликатный и тонкий чисто национальный момент.

Если к "левому национал-большевизму" притягивались наиболее нонконформистские элементы из небольшевистских сред, - террористы, неонародники, левые эсэры, крайние сектанты и т.д., - то к "правым национал-большевикам" тяготели, напротив, многие гиперконформистские типы - спецы, кадровые военные (Брусилов, Альтфатер, Поливанов и т.д.), и - как ни странно! - реакционные круги духовенства и даже черносотенцы. Всех их объединяли симпатии к "сильной руке", "централизму", авторитарному режиму, явно устанавливающемуся в процессе укрепления власти большевиков. В простом народе, как подчеркивает Агурский, даже бытовала формула: "Ты за кого - за большевиков или за коммунистов?" "Большевики" ассоциировались с представителями радикальной великорусской державности, с выразителями народной стихии, тогда как "коммунистами" считались, напротив, догматики интернационализма и "западники". К крайне правому флангу национал-большевизма примыкали многие евразийцы, сохранявшие в основном по религиозным и этическим соображениям дистанцию от полного и безоговорочного принятия большевизма.

6. Резонанс в партии

Национал-большевистские тенденции (как правые, так и левые) были продуктом интеллектуальной деятельности некоммунистических теоретиков. Но они имели громадный резонанс в ВКП. Более того, как убедительно доказывает Агурский, именно отношение к национал-большевизму и является тем ключом, который помогает понять "эзопов" язык внутрипартийных полемик всего раннесоветского периода, предшествовавшего окончательному укреплению единоличной власти в партии Сталина. Если опираться на формальные аспекты партийных дискуссий тех лет, то мы попадем в недешифруемый хаос парадоксов и явных противоречий. Только выделение национал-большевизма в качестве основного интерпретационного критерия позволит выстроить всю картину идейной борьбы этого периода. "Левый национал-большевизм" больше всего импонировал Льву Троцкому, и Агурский справедливо замечает, что пора уже поставить вопрос: "А так ли Троцкий лев?" Именно Троцкий в своей книге "Литература и Революция" весьма позитивно отзывается о "попутчиках" и представителях "скифства", чья патетика вполне резонирует с революционным духом самого Троцкого. В некотором смысле, даже теория "перманетной революции" и идея ее "экспорта на Запад" не так уж противоречат мсессианским тенденциям сторонников "национального варварства". Кроме того, чисто прагматически национал-большевизм позволяет Троцкому укреплять свою власть в партии и в армии, опираясь на национальный дух и прибегая к прямым апелляциям к патриотическим чувствам великороссов. Его последовательным противником уже на этом этапе выступает Зиновьев, который, однако, не примелет только великорусский национал-большевизм, но, будучи главой Коминтерна, с прагматической симпатией относится к национал-большевизму немецкому и даже к левому нацизму. Кроме того, сам Ленин крайне позитивно воспринял сменовеховство, хотя трудно сказать наверняка, чего в этом отношении было больше - прагматического макиавеллистского расчета или действительного сочувствия к "мистическому нигилизму".

"Правый национал-большевизм" в свою очередь сопряжен с фигурой Иосифа Сталина, который, как совершенно справедливо показывает Агурский, всегда был гораздо ближе к прагматическому консерватору Устрялову, чем к "скифству" и другим революционным радикалам. И хотя Сталин во внутрипартийной борьбе с Троцким вначале делал ставку на Зиновьева и Бухарина, постепенно и тот и другой будут побеждены им именно при опоре на консервативный, правый национал-большевистский сектор в самой партии, взращенный Сталиным через "ленинский призыв" новых национальных кадров, сохранивших связь с народной стихией и чувство государственности. Сталин в полной мере воспользовался плодами троцкистско-ленинского курса на приятие "сменовеховства", но сумел при этом уничтожить своих противников их же оружием. Складывается впечатление, что сквозь все этапы сталинской карьеры проходит эта невысказнная, но постоянно обдумываемая концепция - концепция "правого национал-большевизма". Устрялов был как бы выразителем тайных мыслей Сталина, его харбинским духовником... Сталин без Устрялова просто не понятен.

И не случайно, разгром зиновьевской "оппозиции" воспринимался совремеенниками как полное торжество идей Устрялова.

Проявление сталинских симпатий к правой версии национал-большевизма Агурский видит и в особо теплом отношении Сталина к Булгакову и особенно его восхищение откровенно национал-большевистской булгаковской пьесой "Дни Турбиных", которую он лично посетил 15 раз. В конце пьесы белый офицер Мышлаевский доказывает, что нужно переходить к большевикам:

"Мышлаевский: Я за большевиков, но только против коммунистов... По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас.

Студзинский: ... Была у нас Россия - великая держава!

Мышлаевский: И будет! И будет!"

В этом пассаже квинтэссенция правой национал-большевисктой мысли.

Агурский подчеркивает также, что именно Сталин приветствовал "сергианскую" линию в Православии, пошедшую с советским режимом на компромисс, а не обновленческий "христианский социализм", сближающийся более с "левым национал-большевизмом". Любопытно определение обновленчества, бытовавшего в ту эпоху - "церковный троцкизм". Иными словами, в вопросе сотрудничества Церкви с большевиками также было две возможности - "революционная церковь" обновленцев, пытающаяся охватить и исмыслить, "христианизировать" "мистический нигилизм", и стратегический компромисс официального Православия, нотки которого можно разглядеть еще до митрополита (позже Патриарха) Сергия в позиции патр. Тихона после его освобождения из тюрьмы.

7. Еврейский фактор

Проблему евреев в контексте большевизма Агурский рассматривает в совершенно неожиданном ключе. С его точки зрения, массовое участие евреев в революции объясняется не столько их враждебностью к православной России, местью за "черту оседлости" или беспочвенностью и западничеством, сколько особым эсхатологическим мессианским настроем, характерным для сектантской разновидности иудаизма (хасидского или саббатаистского типа), которая была чрезвычайно распространена среди восточно-европейских евреев. Именно сходство апокалиптического фанатизма, общность религиозного типа с представителями русского сектантства и гностицизма интеллигенции, предопределили роль евреев в большевистском движении. Кроме того, Агурский подчеркивает, что многие евреи-большевики ощущали себя страстными великорусскими националистами, для которых Октябрьская революция уничтожила последние преграды для полного слиния с русским народом. Большинство из них были либо крещенными и ассимилированными, либо отличались специфическими мистическими наклонностями и принадлежали к эзотерическим каббалистическим группам.

Конечно, это касалось далеко не всех. Зиновьев, Каменев и вообще почти вся "петербергская группа" были аутентичными евреями-западниками, воспринявшими коммунизм лишь в его рационально-социальном, догматическом аспекте. Иными словами, великодержавный национал-большевизм одних евреев (Лежнев, Тан-Богораз, Кердецев, Пильняк и даже ранний Троцкий, кстати, активно интересовавшийся масонством и бывший членом "Великого Востока") резко контрастировал с русофобией других. Но и среди русских большевиков это зеркально отражалось в противостоянии новых русских лидеров сталинского призыва (Молотов, Ворошилов, Киров и т.д.) и русофобствующих этнических великоросов типа Бухарина.

8. Национал-большевизм против национал-коммунизма

Агурский вскрывает важную терминологическую разницу между этим двумя терминами. "Национал-большевизмом" следует называть именно великорусский, евразийский вариант, стоящий за объединение всех бывших земель Российской Империи в единое централизованное социалистическое государство - СССР. Среди большевистских лидеров это однозначно соотносилось с фигурой Иосифа Сталина.

"Национал-коммунизмом" в свою очередь было принято обозначать, напротив, сепаратистские тенденции национальных окраин России, стремившихся использовать Октябрьскую революцию для достижения национальной независимости. Особенно сильными национал-коммунистическими тенденциями отличались татарские (Султан-Галиев), грузинские и украинские коммунисты (Скрыпник). Они считали (справедливо), что в большевиках слишком сильны великодержавные империалистические настроения, что национал-большевизм в устряловской формулировке чреват новым "диктатом Москвы". Показательно, что самыми активными борцами против сепаратистского национал-коммунизма были представители тех же самых наций, но исповедующих, напротив, советский принцип "единонеделимчества" и, соответственно, национал-большевизм. Так Сталин и Орджоникидзе не на жизнь, а на смерть боролись с грузинским сепаратизмом и т.д. Лишь на Украине в партии промосковскую линию проводили в основном этнические великоросы, а еще больше, ассимилированные евреи.

Этот момент очень важен, так как в нем кристально ясно прослеживается фундаментальное различие между простой адаптацией коммунистических идей к конкретному национальному контексту (национал-коммунизм) и особой универсалистской линией, сопряженной исключительно с русским эсхатологизмом, мессианским и всечеловеческим, открытым для всех евразийских народов и интеграционным. Национал-большевизм, таким образом, открывается как реальность сверхэтническая, имперская, универсальная. Это принципиальный момент.

9. Параллельная идеология

К национал-большевизму Агурский причисляет и многих других авторов - Мариэтту Шагинян, Максимилиана Волошина, Осипа Мандельштамма, Андрея Платонова, футуриста Родченко, самого Маяковского, О.Хвольсона, М.Пришвина, А.Ахматову, М.Цветаеву, Н. Тихонова, Н.Никитина, Я.Лившица, К.Чуковского и т.д. Если внимательно приглядеться к советской литературе, - вплоть до Шолохова, не упоминаемого, впрочем, Агурским, - то почти вся она откроется как разновидность национал-большевистской мысли, поскольку чистого "социалистического реализма" в культуре отыскать практически невозможно, за исключением, разве что, совсем уже "условных" произведений, причисленных к культуре по чисто конъюктурным соображениям. Особенно следует подчеркнуть личность Мариэтты Шагинян, ставшей классиком советской литературы. В ее творчестве и интеллектуальной эволюции сходятся воедино несколько существенных моментов национал-большевизма в целом.

Во-первых, она была ассимилированной русифицированной армянкой, что прекрасно вписывается в разобранный Агурским феномен социалистической великодержавности, носителями которой чаще всего выступали ассимилированные инородцы - грузины, евреи, армяне и т.д. Если в западных областях (Украина) особенно активными централистами и проводниками промосоковских тенденций в партии выступали евреи, то на Кавказе - в Азербайджане и Грузии - активную роль играли именно армяне. Поэтому национал-большевистский выбор Шагинян весьма показателен.

Во-вторых, до революции Шагинян была активной участницей религиозно-философского кружка Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, где она познакомилась с гностическим мировоззрением, которым чрезвычайно заинтересовалась. Она начинает свое духовное становление как типичная представительница "нового религиозного сознания". Шагинян одной из первых приняла Октябрьскую революцию, оценив ее мистически. В революции она видела "корни какого-то нового славянофильско-большевистского сознания". После революции она продвинулась по пути гностицизма еще дальше - подобно гностикам-каинитам она начала рассматривать негативных персонажей "Ветхого Завета" - Хама, Каина, Исава и т.д. - как носителей подлинного духа и предтеч Христа, врага "злого демиурга"-узурпатора. Ее интеллектуалный гностицизм был прямым аналогом сектантского простонародного гностицизма Клюева или Есенина.

В-третьих, Шагинян была - как и Андрей Платонов и академик Вернадский - поклонницей учения Николая Федорова о "воскрешении мертвых", что является одной из классических тем оперативного оккультизма(1). Этот же теургический компонент федоровского учения вдохновлял многих евразийцев, особенно "левых" - Карсавин, Савицкий, издатели парижского журнала "Евразия" (муж Цветаевой, Эфрон и т.д.). Более того, гетеродоксальная с православной точки зрения, но национальная и антизападная доктрина Федорова была тем идеологическим фокусом, через который "правые" консервативные мистики переходили к приятию коммунизма. В-четвертых, писательница в своих художественных произведениях пыталась создать "новую пролетарскую мифологию", многие моменты которой являются типичными образцами конспирологического сознания, свойственного традиционному мистико-оккультистскому способу мышления.

В целом судьба Мариэтты Шагинян - это архетип национал-большевистской эволюции, и в этом смысле ее фигура является парадигматической для всего советского национал-большевизма.

Из анализа Аругского складывается настолько впечатляющая картина советского общества в его глубинных мифологических пластах, что создается ощущение, будто мы находимся в параллельном мире, где вся внешняя скучно-догматическая, пслоско-утилитарная, жестокая в своей будничности картина официальной советской истории разрешается в глубинной, насыщенной, полной метафизических интуиций и магических происшествий реальности. И эта "вторая реальность" советизма - от его первоистоков вплоть до последних дней - придает всему смысл, наполненность, герменевтическую заостренность. Эта реальность животворная, парадоксальная, страстная и глубокая, в отличие от сухих статистических данных, цензурированных исторических сводок или визгливой диссидентской критики, также нудно как и советские историки, перечисляющей факты, только не триумфально-оптимистические, но трагично-жестокие.

Михаил Агурский не просто историк с оригинальной схемой. Он человек судьбоносный для России. И символичность его пути проступает в том факте, что умер он не в Иерусалиме и не в Америке, а в Москве, Третьем Риме(2), куда приехал на "Конгресс Соотечественников". Более того, не менее символична и дата смерти - 21 августа 1991 года. Последний день Великой Советской Империи, последнее мгновение, когда на огромной евразийской территории национал-большевизм еще оставался правящей идеологией.

Сноски:

(1) По этому поводу см. исследование А.Дугина "Le complot ideologique du cosmisme russe" в "Politica Hermetica" N 6, Paris, 1992.

(2) Полный английский вариант его книги так и называется - "The Third Rome"

Устрялов Н.В. Хлеб и вера

(Отрывок из книги “Идеология Национал - Большевизма”)

“Хлеба и зрелищ!” - кричали римские толпы. “Хлеба и веры!” хотя бы ценой новых видов рабства, - будут скоро кричать все народы Европы.
К.Леонтьев

Недавно еще, в 1930 году, довольно известный испанский автор Ф.Камбо, исследуя современные европейские диктатуры, пришел к выводу, что эта болезненная форма правления является уделом отсталых лишь, мало развитых народов. Существуют две Европы: одна, славная и просвещенная, стремится вперед на разного рода усовершенствованных двигателях, другая, преданная природе больше, чем цивилизации, тащится все еще на старосветской живой лошадке. Возьмите таблицы грамотности населения: на последнем месте вы в них найдете Румынию, Россию, Сербию, Италию, Грецию, Испанию. Эти же страны займут первые места в таблицах процента смертности. Таблицы торговли, почтовых отправлений (на душу населения) и т.д. подтвердят вашу анкету: на последних местах неизменно красуются Россия, Турция, Болгария, Югославия, Польша, Литва, Румыния, Португалия, Испания, Греция, Венгрия, Италия, Латвия. Все это государства диктатур или призрачного конституционализма. Диктатура водится в безграмотных, бедных, преимущественно аграрных, бездорожных странах у наименее культурных европейских народов. Просвещенные же страны управляются свободно: где фабрики, грамотность, химические удобрения и древние университеты, - там демократия.

Германия в приводимых автором таблицах везде значится на самых выигрышных местах, среди государств первой, передовой Европы: страна всеобщей грамотности, высочайшей, всесторонней культуры. Поэтому совершенно ясно, что “широкая масса немецкого народа окончательно усвоила режим свободы” и что “Германии не грозит ни малейшей опасности увидеть у себя режим диктатуры”.

Прошло три года, и что осталось от этих выкладок и прогнозов? События в Германии наглядно опровергли поверхностные рационалистические представления об источниках современной диктатуры. В частности, думается, вакханалии расистских погромных подвигов должны бы отучить теперь европейцев от высокомерной привычки относить эксцессы русской революции за счет “непроходимой русской некультурности”. Нет, дело тут, видно, не в отсталости и некультурности, а в чем-то совсем другом. “Демократия есть режим совершеннолетних народов” - гласила школьная истина старого государственного права. После германского казуса с Гитлером эту истину следует пересмотреть: едва ли можно отказать германскому народу в совершеннолетии.

В чем же дело? Судя по многим признакам, дело в серьезном и глубоком общем кризисе, постигшем “цивилизованное человечество” в нашу эпоху. Шатание умов и сердец свидетельствует об исчерпанности определенной системы жизни и мысли, господствовавшей до сего времени. Страстная и самоотверженная обращенность этих умов и сердец к авторитету, к инициативной, сильной и смелой власти обнаруживает способность и готовность людей воспринять некую новую систему, более подходящую, более отвечающую условиям и потребностям современности. Воля к вере, к созидающей любви, к порядку, к труду и послушанию не иссякла в человечестве. Вопрос - в конкретной организации, воплощении этой воли и ее предметов.

Наше время - эпоха “тысячи кризисов” (Шпанн). Государствоведы толкуют о кризисе государственно-политическом, экономисты об экономическом, философы - о кризисе культуры. Внутри каждой из этих трех областей конструируются и обсуждаются критические состояния отдельных исторических комплексов и конкретных идей. Говорят о сумерках индивидуализма, гуманизма, демократии, капитализма, марксизма, идеи прогресса и т.д., всего не перечесть. Ставится вопрос и о кризисе христианства, культурно-исторической основы нашей цивилизации.

В этих условиях всеобщего распутья и тревожных колебаний почвы крепнет жажда якоря, тоска по миросозерцанию. Правовое государство свободы и самоопределения личности с его благородным непредрешенческим формализмом не годится, “не звучит” в такие времена: вместо хлеба и веры оно предлагает камень безбрежного выбора. Оно не холодно и не горячо, - оно терло. Оно - организованное сомнение а люди требуют спасительной очевидности. И характерным признаком современных диктатур, обращенных лицом к молодежи, является их “идеократический” пафос. Они несут или, по крайней мере, хотят нести собою целостное миросозерцание, систему завершенного вероучения, и отбор правящего слоя в них происходит именно по миросозерцательному идеологическому признаку. “На проклятые вопросы дай ответы мне прямые!” - требует новый человек, и государство нового человека спешит исполнить это требование. Оно стремится провозгласить и воплотить в жизнь определенную идею, которую оно считает истинной, достойной, праведной, и в духе этой конкретной, положительной идеи укрепляет себя и формирует своих граждан. “Идея правительница” обретает своих слуг и рыцарей в правящей партии, непременно “единой и единственной” в государстве. Ее члены, перешагнув через свободу формальную, находят свободу - в любимой идее: познают свою истину, и истина делает их свободными. Они связаны взаимно общностью веры и зароком верности: это партия-орден, воинствующая церковь идеи.

Отсюда и жестокая, суровая, беззаветная нетерпимость идеократических государств: человеческая вера жгуча и человеческая любовь ревнива. Словно историей снова правят страстные идеи, воплощаемые в плоть и кровь, словно история снова - их беспомощное, роковое состязание перед лицом заданной человечеству и постигаемой им “в бесконечности” - всецелой и окончательной, истинной Идеи. Словно прав старый Гегель: всемирная история - всемирный суд...

Нетерпимость и жестокость идеократий, завороженных своими односторонними истинами, своими мнимыми очевидностями, заставляет вспомнить варварские времена. Не случайно нынешние диктаторы - детища всколыхнувшихся стихий, поднятых Ахеронтов. Сбывается меткое пророчество о “внутренних варварах”, которые хлынут в современное общество не со стороны, а из его собственных недр. Совершается генеральная смена элит путем генерального восстания масс, смена больших культурно-социальных систем через цикл великих потрясений.

Такие процессы всегда исключительно сложны. Меньше всего поддаются они какой-либо общей, суммарной оценке; ярлыки, этикетки отскакивают от них, как только подойдешь к ним без предвзятостей практико-политической борьбы. В них перемешаны многообразные тенденции; можно сказать, что разрушение, ложь и смерть в них тесно переплетаются с творчеством, истиной и жизнью. Они пестры, полосаты, они многокрасочны, как заря. Они “диалектичны” в полной мере.

Вера требует догмы и любовь творит свой предмет (или “прозревает его идеальную сущность”). Бунт стихии внутренно исчерпан, когда осознаны его истоки, закреплены его мотивы, усвоена его энергия. Воля становится - идеей, порыв превращается - в систему, революция обертывается - государством. Чаяния толп фиксируются - программой власти. Тогда яснее обозначается и смысл происходящего.

Характерным порождением нашей эпохи являются одновременно обе идеократии, вызванные к жизни движениями масс: большевистская и фашистская. Обе они, в первую очередь, - симптом болезни, того огромного социально-исторического феномена, который именуется “капитализмом”, буржуазно-капиталистическим строем. Конечно, всякое подобное обозначение по необходимости приблизительно и схематично. Но без него трудно обойтись.

Справедливо утверждают, что современное “капиталистическое” хозяйство, утратившее свой автоматизм и свою автономию, мало похоже на “капиталистическое” хозяйство прошлого века. Внутри системы непрерывно происходит эволюция. И все же, признавая схематичность, условность таких характеристик, можно говорить о начале вырождения, о “закате буржуазно-капиталистической эры”, основоположной чертой которой был именно “святой дух свободного хозяйства” и принцип “священной частной собственности”. Мир сейчас проходит фазу “позднего”, связанного, “организованного” капитализма. Ореол “священности” слетает с буржуазных институтов, и это означает, что они в опасности. Не случайно происходит отлив отборного человеческого материала “от хозяйства к государству”. Эволюция системы, дойдя до известной точки, опрокидывает, разрушает эту систему, смещает ее основоположную установку. Как будто история недалека уже от этой критической точки в отношении “категорий 19 века”. Разными путями и разными аллюрами, реформой и революцией, мирными сговорами и взрывами войн, эволюцией демократий и утверждением диктатур, сменой учреждений и переменами в душах, - разными путями “старый мир” уступает место “новому”.

В тяжких спазмах наличной социальной системы появились на свет все три демотически-идеократические диктатуры в Европе. Мировая война родила русскую революцию и советское государство. Версальский мир дал жизнь итальянскому фашизму. И нынешний мировой кризис оказался законным отцом германского национал-социализма. Народные революции окрыляются бедствиями и увенчиваются диктатурами. И, разумеется, прав Ж. де Мэстр: революция - это не событие только; это - эпоха.

Наиболее радикально и величаво революционная тема звучит, конечно, в большевизме. Русской революции суждено было с неслыханной дотоле действенной остротой противопоставить старым ценностям капитализма и национализма новые всемирно-исторические начала: социалистического строя и интернационала. Вместе с тем именно она являет собой попытку последовательного и непримиримо революционного разрешения основных социальных проблем современности на почве классовой борьбы, превращенной в идею, в догмат, в миф. Русский опыт всей своей полной драматизма историей вскрывает положительные и отрицательные стороны этого радикального, экстремистского пути. По суровой своей монолитности, бесстрашной якобинской решимости, безоглядному волевому упору, советская идеократия представляется, несомненно, наиболее значительным и знаменательным явлением нашей эпохи. За материалистической видимостью ее ведущей идеи кроется сложная, вещная, духовно напряженная глубина жизненного порыва. Вспоминается Чаадаев: мы призваны дать миру какой-то важный урок.

Фашизм и родственный ему национал-социализм, подобно большевизму, возникли на почве массовых движений, обязаны своей победой стихии и ориентированы на молодое поколение по преимуществу. Нельзя смотреть на них, как на случайные эпизоды, на мимолетные недоразумения только. Они снабжены достаточно глубокими корнями, и если есть в них нечто болезненное, уродливое, то это уже “вина” эпохи их породившей и в них отражающейся. Слеп тот, кто не видит их пороков, но глух тот, кто не слышит исторического ветра, в них шумящего, “духа музыки”, в них звучащей. Жизненный порыв брызжет и в них при всех изъянах их политического фасада, при всей дурманящей пестряди их внешней оболочки, их площадных поденных лозунгов. И за ними - прибой нового жизнечувствия, глухой гул становящегося мира.

Так называемый “кризис демократии”, обусловленный общим неблагополучием буржуазного общества и питаемый распадом либеральной и механистической мысли, имеет двустороннюю социальную природу. С одной стороны, в демократии разочаровывается правящий слой: в трудные минуты она оказывается не всегда и не везде удобной надежной опорой в борьбе против социально-революционных потрясений. С другой стороны, ее перестают ценить широкие массы: здесь и там они приходят к убеждению, что она не обеспечивает им ни хлеба, ни веры. Кельсен назвал современную демократию “системой политического релятивизма”. Парето увидел в ней “демагогическую плутократию”. Релятивизм не способен дать людям веры. Плутократия не даст им и хлеба. Есть основания утверждать, что если современные демократии пребудут и впредь такими же, каковы они сейчас, - они погибнут от морально-политической малярии, треплющей их на наших глазах. Прочней всего они ныне в англо-саксонском мире с его исконным индивидуализмом и завидной пластичностью. Сохранит ли и на этот раз свой стиль пизанская колокольня великобританской государственности?

Двусторонняя природа фашизма в значительной мере определяет его политическое существо. Обе стороны начиняют его своими умыслами и питают им свои надежды. Противоречивый и межеумочный - он становится документом недугов старого мира и воли к жизни нового. Образом, символом переходной поры.

По смыслу своей “чистой” идеологии фашизм стремится стать органическим и относительно “мирным” средством большого общественного преобразования. Он хочет

(продолжение на 6 странице)

Устрялов Н.В. Хлеб и вера (Продолжение. Начало на стр. 5)

постепенно, считаясь с упрямыми хозяйственными реальностями, переводить общество на новые рельсы - от автоматического к плановому хозяйству, от свободной конкуренции к организованному сотрудничеству, - “от капитализма к социализму”. Он хочет выдержать как бы некую “среднюю линию”, осуществить, говоря словами Прудона, “взаимный плагиат между капитализмом и коммунизмом”. Отсюда он допускает сосуществование, комбинацию различных экономических тенденций, используя сильную и, как он считает, самостоятельную государственную власть для направления процесса к желательной цели. Вместе с тем, переключая энергии социальной борьбы в порыв национального единения, он пытается спасти таким образом общество от гражданской войны и катастрофы.

Совершенно очевидно, что старые правящие классы хотели и хотят использовать фашистские революции в своих интересах. До сей поры это им в основном удается: в их руках и средства производства, и система распределения. Но последнее слово здесь все-таки еще не сказано. Во-первых, сами эти “правящие классы” уже - на нисходящей линии своего исторического развития. Во-вторых, фашизм - лукавое, двусмысленное орудие, способное обратиться против тех, кто им пытается овладеть. Не исключена возможность, что он таит в себе еще любопытные неожиданности. Недаром с такой опасливой подозрительностью относятся к нему руководящие силы капитализма: в нем две души.

Для русского большевизма характерно стремление форсировать, подхлестнуть ход истории (“клячу историю загоним!”). Он упорно держится правила, что служить своему времени можно лишь опережая его. Проникнутый революционно-социалистическим своим волюнтаризмом, он не смущается относительной живучестью буржуазно-капиталистических элементов современного общества и твердо берет курс на немедленный переход этого общества к социализму. Отсюда советской политике приходится наталкиваться на мучительные препятствия, на упорнейшее сопротивление социальных материалов, не подготовленных к той задаче, которая на них возлагается. И множатся искупительные жертвы борьбы с косностью времени, старый мир прорывает фронт то тут, то там, и доктрина, на словах отрицающая веру во имя хлеба, на деле нередко жертвует хлебом во имя веры. “Можно идти либо вперед, либо назад”, и большевизм весь - в движении вперед, весь в своей идее, в своей вере, призванной не торговаться с действительностью, а переделать ее во что бы то ни стало. И движение вперед покупается дорогой ценой. Но движение вперед - несомненно.

Фашизм сознательно избирает иной путь, желающий трезво учесть иерархию соседств и логику реальностей. “Мы не цепляемся безнадежно за старое, как за последнюю соломинку, но не бросаемся также сломя голову в обольстительные миражи будущего” - заявляет Муссолини. На словах это звучит недурно, но на деле выходит значительно хуже. Если большевизм в своих мировых притязаниях стоит перед опасностью оторваться от неизжитой социальной действительности вчерашнего и сегодняшнего дня, то фашизм рискует очутиться в ее плену. Если большевистской пан-революционной концепции угрожают трудности максимализма, то фашистская может легко обернуться оппортунизмом в одиозном смысле этого слова. Большевизм героичен в своем преобразовательном порыве, упоен будущим и в своих социальных целях “прогрессивен”. Страстная воля фашизма истощается на путях компромиссов и расщепляется между вчерашним и завтрашним днем. Сильная власть фашистского государства, при всей своей “тоталитарности”, подвергается опасности утратить связь с идеей, которой она взялась служить. Так разными путями идет история, и каждый большой путь знает свои выгоды и свои пороки. История есть диалектика всех этих путей. Каждый из них - испытывается жизнью, проверяется духом, огнем и железом. Их синтезы - плод органической борьбы, а не рассудочных выкладок и заключений.

Муссолини говорил своим последователям в 1924 году:

“Мы имели счастье пережить два великих исторических опыта: русский и итальянский. Старайтесь же изучать, нельзя ли извлечь синтез из них. Нельзя ли не остановиться на этих противоположных позициях, а выяснить, не могут ли эти опыты стать плодотворными, жизненными, и дать новый синтез политической жизни?”

Трудно отказать в разумности этому замечанию, так выигрышно отличающему итальянского диктатора от Гитлера с его истинно “ефрейторской” философией русской революции. И все же приходится усомниться в действенности рецепта Муссолини, если понять его слова как рецепт. Может быть, сейчас и впрямь нельзя не считаться с проблемой параллельного, двустороннего процесса - “большевизации фашизма и фашизации большевизма”. Но было бы наивно рассчитывать на мирный характер этого процесса и его эволюционное, безболезненное заверение. К сожалению, историческая диалектика осуществляет большие синтезы не методом сознательных сопоставлений и примиряющих сочетаний идей-сил, а путем их состязаний н жизнь и смерть. Только тогда и только так возникают плодотворные органические синтезы, а не худосочные и убогие механические компромиссы. Очевидно, только в этом “диалектическом” смысле и может идти речь о грядущем “синтеза” большевизма и фашизма.

Обе системы, - и большевизм, и фашизм, - “по-варварски” авантюрны, утверждают себя не только убеждением, но и принуждением, силой, насилием. Это, как мы видели, в порядке вещей нашего времени, в духе переходной эпохи. Но, конечно, не этой их формой, а их внутренним содержанием, существом их идей и дел, определится место того и другого в истории. Насилие бессильно спасти умирающую идею, но оно способно оказать неоценимую услугу идее восходящей.

Большевизм принципиально интернационалистичен, и в этом отношении, несомненно, созвучен большой “вселенской” идее наступающего исторического периода. Фашизм вызывающе шовинистичен, и в этом своем качестве “реакционен”, принадлежит эре уходящей. В самом сочетании “национализма” и “социализма” кроется противоречие, правда, весьма жизненное в плане сегодняшнего исторического дня, когда даже и большевики вынуждены “строить социализм в одной стране”, - но подлежащее преодолению в масштабе эпохи. От политического и экономического ультра-национализма ныне болеет, задыхается человечество. Национальная идея жива и долго будет жить, но те формы ее воплощения, которые отстаиваются фашизмом, внутренно обветшали, при всей их исторической живучести, несовместимы уже ни с техникой, ни с экономикой нашего времени, чреватого универсализмом. В этом отношении сознание народов словно отстает от бытия человечества, и фашизм, обожествляя нацию, полон отстающим сознанием, а не бегущим вперед бытием. “Теперешняя оргия националистических страстей, - удачно пишет об этом Томас Манн, - является не чем иным, как поздней вспышкой уже догоревшего огня, последней вспышкой, ошибочно считающей себя новым жизненным пламенем”.

Достаточно прочесть хотя бы “политическое завещание” Гитлера, чтобы в этом убедиться наглядно. Это язык прошлого, всецело сотканный из категорий Макиавелли и Бодена, Пальмерстона и Бисмарка. После великой войны на таком языке перестают говорить даже и государственные люди. Быть может, есть в нем некоторое преимущество искренности перед пацифистскими формулами Лиги Наций. Но нет в ней и грана нового мира, завтрашнего дня истории.

Что касается сферы политики социальной, то и здесь различия обоих идеократических систем бросаются в глаза. Большевизм революционен не только на словах, но и на деле. Пусть дорогой ценой, - но, несомненно, он открывает собой панораму подлинно новой эпохи. Былые правящие классы России разгромлены им и политически, и экономически. Средства производства огосударствлены полностью; этатизируется и торговля. Капитализм всерьез опрокинут в государстве советов, и тем самым морально-политический постулат нового “бесклассового” общества получает в этом государстве реальную хозяйственную опору. Вместе с тем создаются также действительные предпосылки планового хозяйства. Вопрос - и немалый! - в умении организовать это хозяйство, в подборе, в обучении, в переделке людей и преображении хозяйственных стимулов.

Существенно иначе организует свой экономический фундамент фашизм. Он перестраивает форму старого государства, но остерегается заново менять его социально-хозяйственную сущность. Он заявляет о реорганизации капитализма, но сохраняет доселе в целости основные институты капиталистического хозяйства. Его экономическая политика проникнута осторожностью и чуждается революционных встрясок; в этом, если угодно, ее достоинство, но в этом же источник его пороков. Фашистский лозунг “сотрудничества классов” - не нов: он хорошо знаком буржуазному демократическому государству и сам по себе недостаточен для радикального спасения общества от междуклассовых антагонизмов. “Приручить” классы, заклясть властной силой идеи их своекорыстие, их эгоизм - почетная, но совершенно исключительная по трудности задача. Нельзя не отметить, что большевизм, пытаясь разрушить самые истоки классовых противоречий, несравненно действеннее и последовательнее проводит анти-классовую установку. Равным образом, и плановая экономика, которой после советской пятилетки так живо интересуются в буржуазных государствах, едва ли способна восторжествовать в полной мере вне огосударствления средств производства и уничтожения самостоятельной финансово-хозяйственной силы буржуазии. Фашистский принцип активного и всемогущего государства в гораздо большей степени воплощен в СССР, нежели в Италии или Германии.

И все же было бы ошибкой отрицать, что корпоративное государство Муссолини представляет собой поучительный опыт, диктуемый сложившейся исторической обстановкой. В нем слышится и стихийный натиск масс, сочетаемый с маневрами капиталистов, и подлинный взлет национального чувства, и живая работа современной социальной мысли, ищущей таких путей перехода к новому порядку, которые избавили бы европейские народы от взрыва коммунистической революции: в Европе, - утверждают просвещенные европейцы, - этот взрыв был бы неизмеримо более потрясающ и разрушителен, нежели в крестьянской и “бестрадиционной” России. Отсюда неутомимые усилия создать в государстве атмосферу “порядка и доверия”, поднять авторитет власти, привить буржуазии догмат “функциональной собственности” и всему народу идею социального служения, организовать в наличном обществе сверхклассовый национальный арбитраж государства, не только ведущего политику, но также контролирующего экономику и пасущего людские души. Ряд объективных признаков свидетельствует, что эти усилия принесли-таки в нынешней Италии осязательные плоды.

Но вместе с тем нельзя не признать, что значимость итальянского опыта умеряется относительной скромностью мирового положения Италии и своеобразием ее социальной структуры. Гораздо сложнее и тревожнее для фашизма, но зато и показательней для его природы, обстоит вопрос в Германии, где Гитлер, уже утрачивающий обаяние демагогической новизны, извивается, мечется между мощной властью монополистического капитала и разнохарактерным давлением своих разношерстных масс. Все множатся основания утверждать, что теперешний германский национал-социализм грозит оказаться - псевдоморфозой.

Как бы то ни было, идеократические революции нашей эпохи следует рассматривать и оценивать в свете всемирно-историческом. Их значимость переливается за пределы политических суждений и оценок сегодняшнего дня. На рубеже эпох народы взволнованы страстными идеями, мифами, зовущими к действию и борьбе. Здесь новое рождается в муках, там мертвый хватает живого. Здесь и там загораются огни разнообразных идей и ценностей, сплетенных с живыми чувствами, насыщенных кровными интересами. Эти отдельные, частичные, нередко бедные, порою наивные, неизбежно ущербные и в своей ущербности ложные, но вместе с тем и творческие идеи и ценности, - утверждают себя, диалектически вытесняют друг друга, претендуют, каждая, на полноту и всецелую истинность, исчезают в синтезах, чтобы снова по новому возникнуть на иных ступенях развития. Es irrt der Mensch so lang er strebt. Но ошибки исканий - лучи умного солнца истины и добра, в них светится - высшее назначение, высокий удел человека. Так в “роковые минуты” сего мира предстоит во всей неповторимой конкретности и неизбывной противоречивости панорама истории, ландшафт катастрофического прогресса...

Вера и любовь движут жизнью прежде всего. Бывают паузы, интермеццо во времени и пространстве. Но подлинно творческие, вдохновенные эпохи - всегда эпохи веры и любви.

“Неверующий 18-й век, - писал некогда Карлейль, - представляет в конце концов исключительное явление, какое бывает вообще от времени до времени в истории. Я предсказываю, что мир еще раз станет искренним, верующим миром, что в нем будет много героев, что он будет героическим миром! Тогда он станет победоносным миром. Только тогда и при таких условиях”.

Вероятно, Карлейль не совсем прав насчет 18 века: и он знал свою веру и свою любовь, страстные идеи трепетали и в нем. Но разве не зорка, не предметна сама мысль о верующем и героическом мире? О ней невольно задумываешься в наши дни.

Народы томятся о хлебе: мировой хозяйственный кризис. Но кризис этот - не каприз неодолимых сверхчеловеческих сил, не черствая лютость природы или плод случайного бедствия. Нет, он - результат болезни самого человека, народов, человечества, теряющих жизненный контакт, живую связь с хозяйством. Это кризис организации, кризис власти, кризис доверия. В конце концов, это кризис веры, миросозерцания.

И народы чувствуют это. И они охвачены жадными исканиями, вещими судорогами, одержимы страстными идеями. В обстановке шатаний, бед и упадка, на перекрестке эпох мы убеждаемся, что далеко не иссяк запас творческой страсти, вложенной в человечество. Можно говорить о мире несчастном и бьющемся в тупиках, но вместе с тем можно говорить также - о “мире верующем и героическом”!

Заключительная глава книги “Германский национал-социализм” (1933), пересмотренная и дополненная перед печатанием настоящей книжки.

F.Cambo. “Les dictatures”, 1930, с. 29--46.

“Государство, сознающее свою миссию и представляющее народ в его развитии, непрерывно преображает этот народ, даже физически, - заявляет Муссолини. - Государство должно говорить великие вещи своему народу. выдвигать великие идеи и проблемы, а не заниматься только заурядными делами управления” (речь в палате депутатов 13 мая 1929).

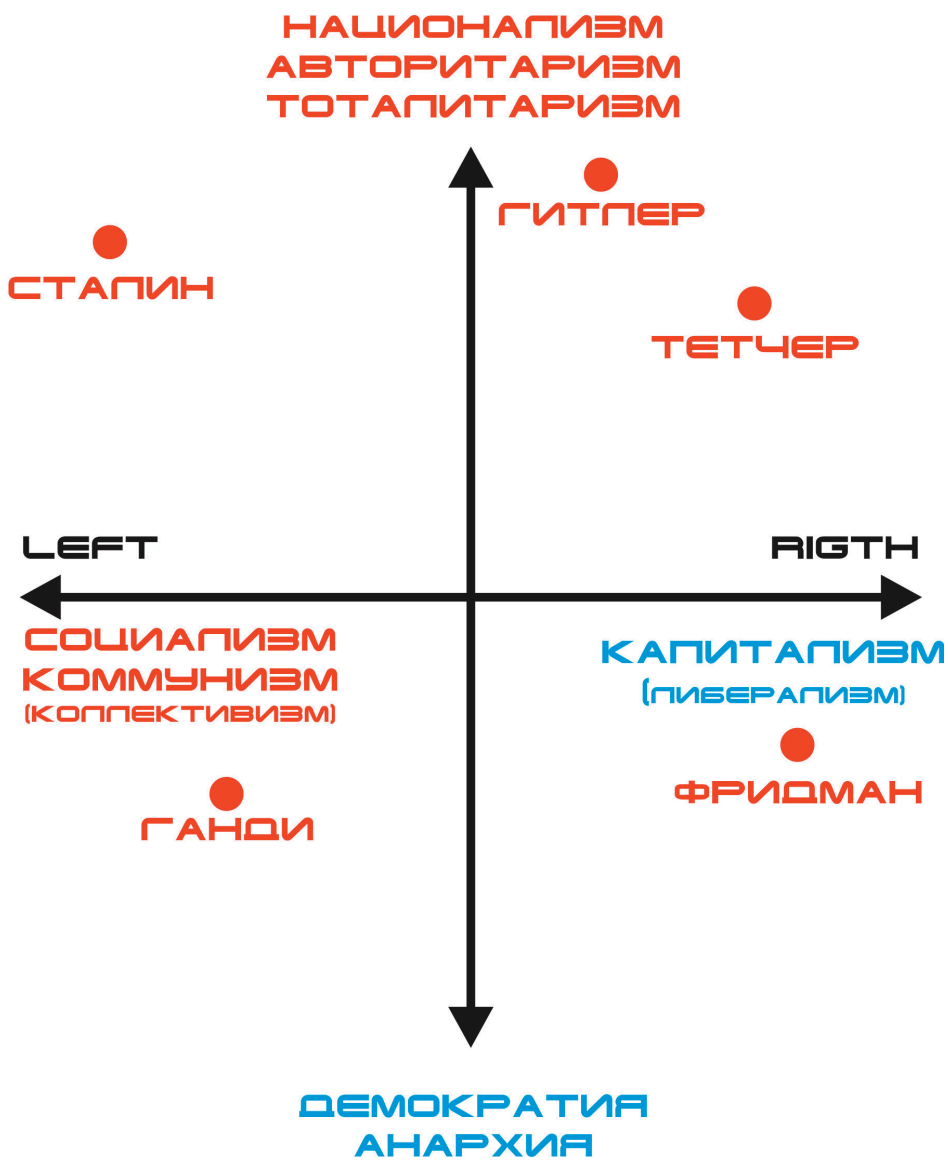
Невольно хочется процитировать известные слова А.Блока: “Варварские массы оказываются хранителями культуры, не владея ничем, кроме духа музыки, в те эпохи, когда обескрылившая и отзвучавшая цивилизация становится врагом культуры, несмотря на то, что в ее распоряжении находятся все факторы прогресса - наука, техника, право и т.д. Цивилизация умирает, зарождается новое движение, растущее из той же музыкальной стихии, и это движение отличается уже новыми чертами, оно не похоже на предыдущие” (статья “Крушение гуманизма”, 1919 год).

Необходимо решительно подчеркнуть, что анатомия национализма и универсализма - наиболее жизненная, наиболее предметная в наши дни. Может создаться впечатление, что националистическая интуиция органична, почвенна, в то время как интернационализм есть не больше, чем конструкция, абстракция, механическая схема. Для данного исторического момента такое впечатление естественно. Но не следует ему поддаваться. Схема, абстракция, план, проект могут стать вестниками новых “организмов”.

Всемирным объединением народов ныне совершенно явственно и совершенно “позитивно” болеет история; таковы результаты “органического” развития науки, техники, экономики. Очередным историческим этапом рисуется “национальное целое на национальных основах”. Человечество органически подходит к проблеме вселенскости. Но ее предмету противостоят “органические” же устремления иного порядка и огромной интенсивности. “Организм” не значит непрерывность и мир. Органичность допускает и прерывистость, и антиномии (сложные организмы). Организм есть единство противоположностей. Это громадная философская и философско-историческая тема становится одной из основных в наше время. Здесь можно лишь констатировать ее.

“Наше время”, Шанхай, 1934 г

Правые и левые - политическая азбука



Четыре сектора схемы

На нашей схеме выделены четыре основных сектора" в пределах которых располагаются четыре базовые идеологии, взятые вместе со всеми своими нюансами и особенностями.

Это - 1) Демократия, 2) Либерализм, 3) Национализм и 4) Социализм.

Сразу заметим, что эти сектора не являются строго равнозначными.

Политические доктрины: демократия и национализм

Две идеологии (демократия и национализм) чисто политические, т.е. они ставят основной акцент не на конкретике экономической структуры, но на общем политическом строе общества, предполагающем в принципе различные возможности экономического механизма. Конечно, мы говорим о демократии и национализме не в чисто этимологическом смысле, но так, как это принято в сложившейся международной ситуации, где демократия и национализм рассматриваются как два противоположных и несовместимых друг с другом политических явления.

Демократия считается "прогрессивным" вариантом политического строя, теоретически миролюбивого и неагрессивного как вовне, так и внутри. Демократия мыслится как общество открытое и стремящееся к минимальной социальной и этнической дифференциации. Демократия озабочена вопросом соблюдения "прав человека", всеобщих выборов и т.д.

Национализм, напротив, рассматривается как "консервативная" политическая формация, предполагающая определенную степень социального тоталитаризма, агрессивность, повышенное значение аппарата подавления и т.д. Национализм стремится сохранить и усилить "изоляционистские" тенденции, создать общество закрытое и дифференцированное, с соблюдением старых религиозных, социальных и этических традиций, свойственных жизни предыдущих поколений. "Права человека" подчас приносятся здесь в жертву интересам нации, общества, государства.

Экономические доктрины: либерализм и социализм

Вторые два сектора (либерализм и социализм) в отличие от первых имеют отношение прежде всего к экономике. И социализм, и либерализм принято понимать как два радикально лротивоположных экономических учения. При этом чисто политически они могут сочетаться либо с демократией, либо национализмом, но могут выступать и более или менее самостоятельно, возводя (по меньшей мере, теоретически) свои экономические принципы в самоценный политический догмат.

Социализм в самом общем виде означает такой экономический уклад, который ориентируется в первую очередь на благосостояние общества в целом или определенного коллективного пласта общества, и лишь потом заботится о состоянии конкретного индивидуума. Социалистическая идея - это идея коллективного экономического субъекта, что предполагает необходимость перераспределения общественного достояния исходя из общественных нужд. Экономический принцип социализма основывается не на идее "эффективности", успеха" и т.д. (как в либерализме), но на идее справедливости и заботы об обществе в целом (в том числе и о неэффективной экономически его части). В социализме основной акцент падает на производство и справедливое перераспределение достояния между членами общества (а это предопределяет необходимость планирования). Социализм тяготеет к различным типам коллективной собственности (отсюда "национализация", "коллективизация", обобществление", "огосударствление" л т. д.) как признак социалистической системы. В практической жизни социалисты чаще всего выдвигают требования повышения налогов с "богатых" и понижение с "бедных", т.е. материальное уравнивание.

Либерализм, со своей стороны, это также чисто экономическое учение (сегодня под либерализмом в политологии понимают именно экономическую, а не политическую реальность), ставящее во главу угла индивидуума и его экономическую свободу, которая в идеале не должна быть ограничена ничем -ни социальными, ни национальными, ни политическими соображениями. Либерализм - это экономическая доктрина полноценного и законченного капитализма, утверждающего эффективность, свободный рынок и право на любые формы личного обогащения вопреки заботе об обществе в целом. Либералы вообще отрицают понятие "социальной справедливости", полагая, что экономический успех или, напротив, нищета, отражают реальную значимость человека как такового, и следовательно, общество не должно вмешиваться в этот процесс. Либерализм считает основным субъектом экономики индивидуума, и отрицает какие бы то ни было формы перераспределения доходов в пользу коллектива или общества. Либерализм отрицает план и ставит во главу угла рынок, торговлю, спекуляцию и финансовые манипуляции. Главным критерием либерализма служит экономическая эффективность. Капитализм настаивает на частной (т.е. индивидуальной) собственности (отсюда "приватизация", "денационализация" и т.д.). Либералы на практике стремятся к взиманию одинаковых налогов и с "бедных" и с "богатых", т.е. к поощрению "обогащению богатых" и "обеднению бедных".

Сочетания экономики и политики

Между демократией и либерализмом располагается точка либерал-демократии, т.е. идеологии сочетающей политические установки демократии с экономическими принципами либерализма. Политическая открытость и "прогрессизм" общества в данном случае сопрягаются с однозначно рыночной и индивидуалистической ориентацией в экономике, т.е. с классической капиталистической моделью. Заметим, что идеология либерал-демократии характерна для главных западных держав - США, стран западной Европы и т.д. Это самая распространенная сегодня идеологическая модель.

Демократия, принадлежащая к левой половине круга (что наглядно показывает ее принадлежность к левому идеологическому лагерю), сдвигаясь вправо, сближается с либерализмом и рыночной ориентацией. Таким образом, "правая демократия экономически однозначно отождествляется с капитализмом. Заметим, что "правая демократия", с точки зрения либерализма, напротив, является "левой" ориентацией, т. е. тождественна "левому либерализму".

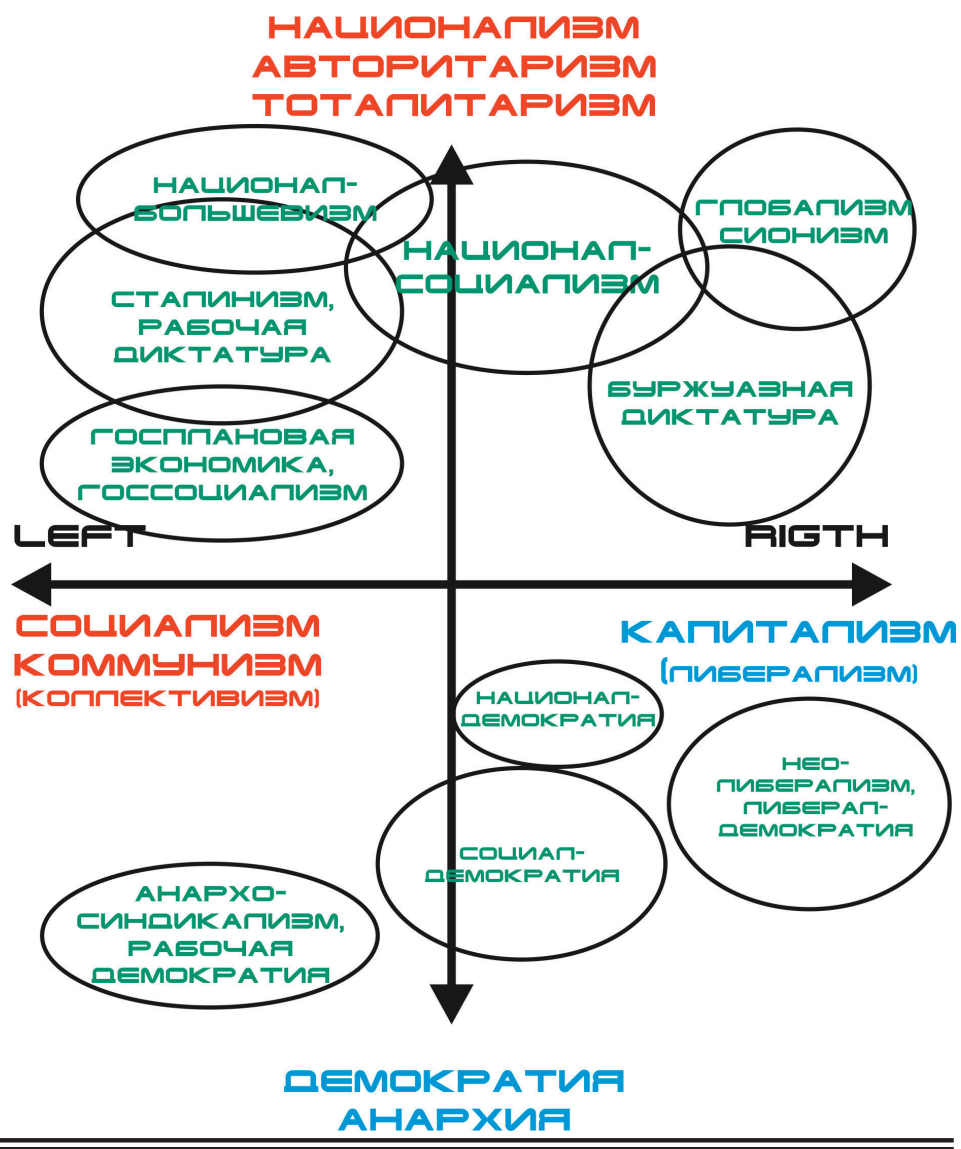
В другом конце сектора демократии проходит граница с идеологией социализма, что дает социал-демократию" Это "левая демократия" (которая для самого социализма, в свою очередь, считается "центристской"). Социал-демократия настаивает на "прогрессивном", "открытом" обществе ("гуманном" и "мягком"), но при этом предполагает социально ориентированную экономику, т.е. государственную поддержку всем членам общества, в том числе и наименее эффективным экономически.

Социалистический сектор варьируется от точки социал-демократии (левый центр) до точки национал-социализма (или национал - коммунизма). Во втором случае социальная ориентация сочетается с более или менее тоталитарной системой, с государственным централизмом и политическим консерватизмом. Такое общество является "закрытым" и "дифференцированным" (часто "негуманным" и "жестким"). Национальный социализм можно условно назвать "правым" или "консервативным".

Но с позиции самого национализма, национал-социализм (или национал-коммунизм) является крайне "левым" феноменом, так как в нем на экономическом уровне предполагается осуществление сугубо "левых" экономических мер - "социализация", "национализация", "деприватизация" и т.д. вплоть до "экспроприации".

Двигаясь к "правому центру" по сектору национализма, мы придем к национал-либерализму, т.е. к такой идеологии, которая сочетает в себе политический национализм ("тоталитаризм", а чаще "авторитаризм") и экономический либерализм, т.е. частную собственность, рыночную экономику, акцент на финансах и коммерции вопреки производству, отказ от планирования и т.д.

Национал-либерализм ("правый центризм") для либерального сектора представляет "крайне правый" предел, а "крайне левым" его пределом является та либерал-демократия, о которой мы уже говорили. Круг замыкается.



OSTарбайтеры

До войны нацистская пропаганда преподносила русских (имея в виду советских военнопленных) в качестве биологически низших, по сравнению с немцами, существ, - неграмотных, забитых, не способных к квалифицированному труду. Поэтому и отношение к рабочим со знаком «OST» на груди напоминало в какой-то степени отношение к рабочему скоту. Остарбайтерам были запрещены контакты с немецким населением. Однако многие немцы, наблюдавшие, как остарбайтеры живут и работают в Германии, были удивлены несходством навязанного им пропагандистского образа и реальности. Оказалось, что по внешнему виду, образованию, обычаям, трудовым навыкам и т.п. «восточные рабочие» мало чем отличаются от немцев. И возникало сомнение во многих постулатах нацистской пропаганды. О том, как в результате наблюдения за остарбайтерами менялись представления немецкого населения о Советской России и её людях, свидетельствуют два германских документа 1942 и 1943 годов. Это впервые переведенные на русский язык доклады имперской службы безопасности, подготовленные для высшего руководства нацистской Германии и потому несущие информацию, свободную от пропагандистских коррективов.

Bundesarchiv, Bild 146-1990-009-27
Foto: Hartmann | 9. August 1941

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ
БЕЗОПАСНОСТИ и СД
Управление III
Берлин, 17 августа 1942 г.
СВ II, Принц-Альбрехтштрассе, 8
Секретно!
Экз. N 41
Лично - Доложить немедленно!
Сообщения из империи N 309
II. Представления населения о России

В последнее время из различных частей империи и от всех слоев населения поступают многочисленные сообщения о том, что население во все большем объеме стремится представить себе взаимопереплетающуюся картину Советского Союза: страны, обстановки внутри нее, людей, внутренних и внешних условий их существования. При этом чаще всего выражается мнение, что прежние представления в ходе войны против Советского Союза во многом изменились, и возникает ряд противоречий, которым трудно дать удовлетворительное объяснение.

1. Наша прежняя пропаганда против Советского Союза подчеркивала, что коммунистическо-большевистская система была основана евреями как система чудовищного угнетения и нищеты всего русского населения. Особенно подчеркивалось различие между большевистской идеологией и агитацией, и действительным положением в Советском Союзе. Эта пропаганда породила представления, которые недавно были подтверждены как правильные на выставке «Советский рай». Именно эти представления были снова подтверждены в письмах и рассказах наших солдат. Картина Советского Союза и его людей предстает как исключительно мрачная, как состояние ужасного упадка и страшной нищеты. Теперь же среди простых людей часто можно услышать такие заявления, как: «И в этой ужасной стране должны были после войны поселиться немцы!» - «Уже никого и ничем нельзя заманить ехать туда!» - «И даже если меня будут заставлять, ничего из этого не выйдет!»

2. Согласно этим представлениям, Советский Союз был страной чудовищного беспорядка. Вспоминается многолетняя впечатляющая информация о дезорганизации, например, в сельском хозяйстве и на транспорте, о невыполнении пятилетних планов в области промышленности и т.д. Но уже в первые месяцы войны против Советского Союза в связи с этой проблемой возникло чувство, что мы стали жертвой определенного заблуждения. Большая масса вооружения, его техническое качество, гигантская индустриализация страны вызвали первые озадачившие нас впечатления, которые противоречили существенным аргументам прежних представлений о Советском Союзе. Солдаты на основе собственного опыта также сообщали, что, наряду с примитивностью и нищетой масс, они видели огромные сооружения, гигантские промышленные предприятия американского типа, электростанции и т.д. Они задают себе вопрос, как все это осуществил большевизм? «Здесь должны также проявиться и положительные силы?»

3. Советские люди преподносились как жестокие скотоподобные существа. В лице комиссаров и политруков они превращались просто в «недочеловеков». Сообщения о зверствах, которые имели место в первые месяцы восточного похода, подкрепляли убеждение, что военнослужащие вражеской армии являются «бестиями». С озабоченностью спрашивали, как мы поступим в будущем с этими «зверьми». Многие немцы полагали, что их нужно будет полностью уничтожить. Вместе с сообщениями о злодеяниях убежавших русских военнопленных возник определенный страх в связи с тем, что эти типы в большом количестве могут прибыть в пределы империи и использоваться в качестве рабочей силы.

Это уже сегодня поднимает для многих немцев вопрос о духовном отношении к тысячам остарбайтеров. Именно среди наших рабочих было отмечено, что эти русские часто проявляют смышленость, ловкость, быстроту в понимании даже сложных процессов в работе машин. Многие довольно быстро изучили немецкий язык и совсем не выглядят такими, которые получили плохое начальное образование. Этот опыт сделал противоречивыми прежние представления о людях с востока.

4. Восточных людей в целом рассматривали как неполноценных в расовом отношении. Часто там выискивали лиц с чертами монгольских и тюркских народов, с тем, чтобы наглядно и ярко продемонстрировать звериный характер солдат Советской армии. Этому противоречат рассказы многих солдат о том, что монголы и тюрки являются хорошими солдатами, что часто они чистоплотнее и смышленее других и не попали полностью под влияние большевизма. Среди мужиков также встречается много высоких блондинов с голубыми глазами, а во многих докладах с Украины говорится о том, что люди там по сравнению с Германией являются очень примитивными и ведут простой образ жизни, но выглядят здоровыми, зачастую добродушными, трудолюбивыми и радостными.

5. Особенно сильно занимает немцев проблема боевой мощи Красной Армии, которая наряду с количеством и качеством удивительного вооружения явилась второй большой неожиданностью. До сегодняшнего дня упорство в бою объяснялось страхом перед пистолетом комиссара и политрука. Иногда полное безразличие к жизни истолковывалось исходя из животных черт, присущих людям на востоке. Однако снова и снова возникает подозрение, что голого насилия недостаточно для того, чтобы вызвать доходящие до пренебрежения жизнью действия в бою. Различными путями приходят к мысли, что большевизм привел к возникновению своеобразной фанатической веры. В Советском Союзе, возможно, многие люди, главным образом молодое поколение, придерживаются мнения, что Сталин является великим политиком. По меньшей мере большевизм, безразлично какими средствами, вселил в большую часть русского населения непреклонное упорство. Именно нашими солдатами установлено, что такого организованного проявления упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну. Вполне вероятно, что люди на востоке сильно отличаются от нас по расово-национальным признакам, однако за боевой мощью врага все же стоят такие качества, как своеобразная любовь к отечеству, своего рода мужество и товарищество, безразличие к жизни, которые у японцев тоже проявляются необычно, но должны быть признаны.

6. Далее много раздумий вызывает пространство, ландшафт и климат на востоке. По этому вопросу существуют сравнительно единые представления. Главное в них: бесконечность и однообразие русских просторов, русская зима, пришедшие в упадок деревни и т. д. Каждый задает себе вопрос, кто должен ехать в эту страну. Из прежних представлений о природе России никаких стимулов для этого не может возникнуть. Какая-либо деятельность на востоке уже сегодня предстает для многих, как «перевод в порядке наказания».

В целом, учитывая все эти суждения, невольно приходишь к мысли, что Россию и ее людей нельзя привести к одному знаменателю. До войны нам было очень мало известно о реальном положении в России, и сейчас, как следует из частично противоречивых высказываний, понятий и представлений, мы знаем в основном все еще очень мало. Да, сейчас, кажется, даже труднее создать достоверную картину из отдельных факторов русского и досоветского периода, из того, что должно быть приписано большевистскому времени и что сводится к освобождению от большевизма, что вообще является русским и показательно для него, что представляет собой лишь единичные утверждения, которые не могут быть применены ко всем людям и ко всему пространству. Существует мнение, что прежнее единое представление не согласуется или больше не согласуется с многогранной действительностью, и, с точки зрения будущих задач, которые для многих немцев придется решать на востоке, возникает желание преодолеть имеющиеся противоречия и создать четкую реальную картину пространства и людей на востоке.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ
БЕЗОПАСНОСТИ и СД
III управление
Берлин, 15 апреля 1943 г.
СВ II, Принц-Альбрехтштрассе, 8.
Секретно!
Экз. N 74
Лично - Доложить немедленно!
Сообщения из империи N 376

Результаты использования в империи советских военнопленных и остарбайтеров.

До начала открытых враждебных действий против Советского Союза 22 июня 1941 г. немецкий народ за совсем небольшим исключением знал о Советском Союзе, о его социальной и экономической структуре, о культурной жизни только из печати, кинофильмов, выступлений пропагандистов и тенденциозной литературы.

Подавляющее большинство немецкого народа видело поэтому в Советском Союзе антигуманную и бездуховную систему насилия и представляло себе советских людей как обреченную, полуголодную отупевшую массу.

На сотни тысяч направленных сюда остарбайтеров и военнопленных немцы смотрели как на живых свидетелей большевистской системы, в результате чего прежний образ России и созданные пропагандой представления о советском человеке могли пересматриваться. Согласно многочисленным докладам с мест, сильно расширились и углубились различия во мнениях немцев всех слоев. Население, как и прежде находясь под влиянием ведущих средств информации, убеждено в необходимости войны против советского режима и никак не склонно ставить себя при сравнении с советскими русскими на одну ступень с этими представителями восточных народов. Во время все повторяющихся, иногда весьма оживленных дискуссий очень часто высказываются мнения, что люди из Советского Союза лучше, по крайней мере не так плохи, как об этом думали, делаются выводы о жизни в Советском Союзе, а также возникают определенные возражения против созданных германской пропагандой представлений. Так, уже по прибытии первых эшелонов с остарбайтерами у многих немцев вызвало удивление хорошее состояние их упитанности (особенно у гражданских рабочих). Нередко можно было услышать такие высказывания:

«Они совсем не выглядят голодающими. Наоборот, у них еще толстые щеки и они, должно быть, жили хорошо».

Между прочим, руководитель одного государственного органа здравоохранения после осмотра остарбайтеров заявил:

«Меня фактически изумил хороший внешний вид работниц с востока. Наибольшее удивление вызвали зубы работниц, так как до сих пор я еще не обнаружил ни одного случая, чтобы у русской женщины были плохие зубы. В отличие от нас, немцев, они, должно быть, уделяют много внимания поддержанию зубов в порядке. Во многих отношениях мы, пожалуй, были информированы не совсем точно или же не были оповещены об обстановке со стороны высших инстанций» (г. Дортмунд).

Сомнения в прежних представлениях о России вызвали у немцев особенно следующие наблюдения.

1. Большевистская безбожность и религиозность остарбайтеров

У нас всегда указывалось на то, что большевизм искоренил религию, проявлял нетерпимость к церкви, религиозным верованиям. В то же время в империю в ходе привлечения на работу остарбайтеров с территорий, находившихся ранее под властью Советов, прибыло бесчисленное количество людей, которые, что бросается в глаза, имеют при себе маленькие распятия, портреты богоматери или иконы. Особенно это замечается в католических районах империи. Кроме того, у этих остарбайтеров, особенно у женщин, часто проявляется глубокая, врожденная религиозность. Из этого немецкое население заключает, что при советской системе, которая боролась с религией, люди вполне имели возможность проявлять свою веру. Вот что говорится по этому поводу в одном из докладов, поступивших из крестьянских районов, прилегающих к Лигницу:

«Всеобщее мнение по сравнению с прежним сильно изменилось. Как утверждают, все, что нам говорилось о большевизме и безбожности. преувеличено. Все это только пропаганда. Согласно рассказам находящихся здесь советских гражданских рабочих, в России имеется еще много церквей, где можно беспрепятственно молиться».

Одна работница из этого же района сказала:

«Я думала, что у русских нет религии, однако они даже молятся».

Из Бреслау один начальник отдела учета доложил:

«Остарбайтеры должны у меня регистрироваться для заведения на них карточек. При этом они почти всегда заявляют о своей принадлежности к православной церкви. При указании, что в Советском Союзе господствует безбожье и пропагандируется атеизм, они объясняют, что это имеет место в Москве, Харькове, Сталинграде, Ростове и других крупных промышленных центрах, в меньшей степени - в Ленинграде. В сельской местности советские русские являются очень религиозными. Почти каждый из опрошенных русских доказывал свою христианскую веру тем, что имел с собой небольшую цепочку с маленьким крестиком. Кроме того, они сказали, что, вероятно, молодые остарбайтеры были частично причастны к атеистическому движению, но вообще о безбожии в Советской России не может быть и речи. Это была лишь пропаганда».

Об одном наглядном примере сообщили из Франкфурта-на-Одере. Здесь могли наблюдать, что, когда молодые остарбайтеры сквернословили, старшие упрекали их в грехе, и это не вызывало гнева. В связи с православным Рождеством многие немцы также убедились, что религиозные праздники все еще отмечаются в Советском Союзе. Елки украшаются религиозными картинками с крестами, поются при этом рождественские песни. В докладе из Райхенберга приводятся высказывания немцев по этому поводу: «Все возможное делается для проведения этих праздников. Их не могли бы устроить лучше даже немецкие рабочие».

Из Галле также сообщается:

«Религиозные воззрения остарбайтеров лучше всего проявлялись в то время, когда разбирались дела об их виновности в совершении мелких преступлений и проступков, таких, как кража картофеля и т.п. Глубокие религиозные чувства прорывались в страхе перед соответствующим строгим наказанием, когда почти все без исключения наказанные остарбайтеры обращались с заверениями к богу, давали от его имени обещание никогда больше не допускать чего-нибудь подобного. И действительно, можно утверждать, что остарбайтеры, которые давали заверения со ссылками на бога, во всех случаях соблюдали свои обещания и не совершали больше наказуемых поступков».

В том же сообщении говорится:

«Кроме того, о религиозности можно судить по тому факту, что мужчины и женщины из числа остарбайтеров в свободное время почти совсем не стремились посетить кафе или рестораны, а шли в церкви или располагались около них».

Еще один пример, который подтверждается и докладами со всех частей империи, был сообщен из лагеря остарбайтеров в округе Верден, где под руководство модного богомольца каждый вечер проводятся совместные моления. Среди нашего верующего населения отмечается, что в разное время в Германии государство и партия не совсем дружелюбно относились к церкви и что отношение советской системы к проблемам религии наверняка подобно тому, которое принято у нас партией и государством.

2. Интеллект - техническая осведомленность

Истребление русской интеллигенции и одурманивание масс было также важной темой

(продолжение на 9 странице)

OSTарбайтеры (Продолжение. Начало на стр. 8)

в трактовке большевизма. В германской пропаганде советский человек выступал как тупое эксплуатируемое существо, как так называемый «рабочий робот». Немецкий сотрудник на основе выполняемой остарбайтерами работы и их мастерства ежедневно часто убеждался в прямо противоположном. В многочисленных докладах сообщается, что направленные на военные предприятия остарбайтеры своей технической осведомленностью прямо озадачивали немецких рабочих (Бремен, Райхенберг, Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Берлин, Галле, Дортмунд, Киль и Бейреут). Один рабочий из Бейреута в этой связи сказал:

«Наша пропаганда всегда преподносит русских как тупых и глупых. Но я здесь установил противоположное. Во время работы русские думают и совсем не выглядят такими глупыми. Для меня лучше иметь на работе 2 русских, чем 5 итальянцев»...

Во многих докладах отмечается, что рабочий из бывших советских областей обнаруживает особую осведомленность во всех технических устройствах. Так, немец на собственном опыте не раз убеждался, что остарбайтер, обходящийся при выполнении работы самыми примитивными средствами, может устранить поломки любого рода в моторах и т.д. Различные примеры подобного рода приводятся в докладе, поступившем из Франкфурта-на-Одере:

«В одном имении советский военно-пленный разобрался в двигателе, с которым немецкие специалисты не знали что делать: в короткое время он запустил его в действие и обнаружил затем в коробке передач тягача повреждение, которое не было еще замечено немцами, обслуживающими тягач».

В Ландсберге-на-Варте немецкие бригадиры проинструктировали советских военнопленных, большинство которых происходило из сельской местности, о порядке действий при разгрузке деталей машин. Но этот инструктаж был воспринят русскими покачиванием головы, и они ему не последовали. Разгрузку они провели значительно быстрее и технически практичнее, так что их сообразительность очень изумила немецких сотрудников.

Директор одной силезской льнопрядильни (г. Глагау) по поводу использования остарбайтеров заявил следующее: «Направленные сюда остарбайтеры сразу же демонстрируют техническую осведомленность и не нуждаются в более длительном обучении, чем немцы».

Остарбайтеры умеют еще из «всякой дряни» изготовить что-либо стоящее, например, из старых обручей сделать ложки, ножи и т.д. Из одной мастерской по изготовлению рогожи сообщают, что плетельные машины, давно нуждающиеся в ремонте, с помощью примитивных средств были приведены остарбайтерами снова в действие. И это было сделано так хорошо, как будто этим занимался специалист.

Из бросающегося в глаза большого числа студентов среди остарбайтеров немецкое население приходит к заключению, что уровень образования в Советском Союзе не такой уж низкий, как у нас часто это изображалось. Немецкие рабочие, которые имели возможность наблюдать техническое мастерство остарбайтеров на производстве, полагают, что в Германию, по всей вероятности, попадают не самые лучшие из русских, так как большевики своих наиболее квалифицированных рабочих с крупных предприятий направили за Урал. Во всем этом многие немцы находят определенное объяснение тому неслыханному количеству вооружения у противника, о котором нам стали сообщать в ходе войны на востоке. Уже само большое число хорошего и сложного оружия свидетельствует о наличии квалифицированных инженеров и специалистов. Люди, которые привели Советский Союз к таким достижениям в военном производстве, должны обладать несомненным техническим мастерством.

3. Неграмотность и наблюдаемый уровень образования

Раньше широкие круги немецкого населения придерживались мнения, что в Советском Союзе людей отличает неграмотность и низкий уровень образования. Использование остарбайтеров породило теперь противоречия, которые часто приводили немцев в замешательство. Так, во всех докладах с мест утверждается, что неграмотные составляют совсем небольшой процент. В письме одного дипломированного инженера, который руководил фабрикой на Украине, например, сообщалось, что на его предприятии из 1800 сотрудников только трое были неграмотными (г. Райхенберг). Подобные выводы следуют также из приводимых ниже примеров.

«По мнению многих немцев, нынешнее советское школьное образование значительно лучше, чем было во времена царизма. Сравнение мастерства русских и немецких сельскохозяйственных рабочих зачастую оказывается в пользу советских» (г. Штеттин).

«Особое изумление вызвало широко распространенное знание немецкого языка, который изучается даже в сельских неполных средних школах» (г. Франкфурт-на-Одере).

«Студентка из Ленинграда изучала русскую и немецкую литературу, она может играть на пианино и владеет многими языками, в том числе бегло говорит по-немецки...» (г. Бреслау).

«Я чуть совсем не опозорился, - сказал один подмастерье, - когда задал русскому небольшую арифметическую задачу. Мне пришлось напрячь все свои знания, чтобы не отстать от него...» (г. Бремен).

«Многие считают, что большевизм вывел русских из ограниченности» (г. Берлин).

«Интерес к образованию у них средний. В первую очередь молодые русские хорошо знакомы с печатной продукцией, говорят даже по-немецки и просят дать им брошюры и книги, по которым они могли бы дальше изучать немецкий язык. Свои фамилии они четко пишут не только кириллицей, но и латинским шрифтом. Они стремятся добыть любой клочок бумаги и используют любую возможность получить информацию. Я установил, что русские в своих местах проживания изготавливают из картона и других материалов для развлечения различные игры, в том числе даже шахматы» (г. Франкфурт-на-Одере).

4. Семейные чувства и нравственность

В германской пропаганде много говорилось о том, что большевистская система ликвидировала семью, эту зародышевую ячейку государства. В представленных из различных частей империи докладах единодушно утверждается, что именно среди остарбайтеров сохраняются ясно выраженные семейные чувства и наблюдается хорошая нравственность. Лишь у советских военнопленных это выражено в меньшей степени, что, возможно, объясняется тем, что во время длительной военной службы они были оторваны от своих семей. В докладе из Лигница говорится:

«Остарбайтеры очень много пишут и получают много писем. Они проявляют много заботы о своих родных, особенно в периоды германского отступления. Они покупают много писчей бумаги и различных предметов для подарков. Торговый представитель одной фабрики сказал: Я думал, у русских нет семьи, но одна девушка все время спрашивает, не может ли ее брат работать у нас. Сейчас он работает по соседству. Один отец постоянно справляется о своей дочери, которая тоже должна находиться в Германии. Одна женщина хочет установить памятник своему умершему мужу. Русские часто фотографируются, чтобы послать снимки своим родным. Один русский сильно плакал из-за того, как он рассказывал, что его с женой направили сюда, а четверо их детей вынуждены были остаться дома...»

Представления нашего населения о семейных чувствах большевиков прямо противоположны тому, что об этом говорила наша пропаганда. Русские проявляют большую заботу о своих родных, и у них там существуют упорядоченные семейные отношения. При любом удобном случае они общаются между собою. Существуют тесные связи между родителями, детьми, их бабушками и дедушками.

В Берлине две домашние прислуги из числа русских убежали домой, оставив хозяйке следующее письмо: «Мы являемся детьми и всем сердцем хотим быть со своими матерями. И если у Вас есть сердце матери (а оно у вас тоже есть), то, думая о собственных детях, Вы можете представить наше состояние, у Вас должно появиться сострадание к нам и Вы поймете, что мы расстались со сравнительно благополучной жизнью, так как на лучшую здесь русские рассчитывать не могут, и решили пойти на мучения, голод, холод и, возможно, смерть только для того, чтобы оказаться в собственном доме... Мы остались должны Вам некоторые вещи, которые Вы нам дали. Мы предпочли оставить их у себя. Без них нам было бы легче и лучше, но у нас нет ни кусочка хлеба, и мы могли бы обменять вещи на еду. Когда мы прибудем домой, наши родные выразят Вам тройную благодарность не только за Ваши вещи, но также за Ваше доброе отношение... Нет, лучше нам не будет, и мы бы Вас никогда не покинули, но наша цель - добраться домой».

В этой связи из Берлина сообщили о случае, который немецкие сотрудники приводят в качестве примера того, что для остарбайтеров характерно также чувство товарищества:

«Начальник лагеря при заводе «Дойчен Асбест-Цемент А.Г.», выступая перед остарбайтерами, сказал, что они должны трудиться с еще большим прилежанием. Один из остарбайтеров выкрикнул: «Тогда мы должны получать больше еды». Начальник лагеря потребовал, чтобы выкрикнувший встал. Сначала никто на это не отреагировал, но затем поднялось около 80 мужчин и 50 женщин».

Часто у многих немцев вызывают также удивление русские работницы своей личной чистоплотностью и той любовью, с которой они украшают свой кров. Немцы этого от них не ожидали.

В сексуальном отношении остарбайтеры, особенно женщины, проявляют здоровую сдержанность. Например, на заводе «Лаутаверк» (г. Зентенберг) появилось 9 новорожденных и еще 50 ожидается. Все, кроме двух, являются детьми супружеских пар. И хотя в одной комнате спят от 6 до 8 семей, не наблюдается общей распущенности.

О подобном положении сообщают и из Киля:

«Вообще русская женщина в сексуальном отношении совсем не соответствует представлениям германской пропаганды. Половое распутство ей совсем неизвестно.

В различных округах население рассказывает, что при проведении общего медицинского осмотра восточных работниц у всех девушек была установлена еще сохранившаяся девственность».

Эти данные подтверждаются докладом из Бреслау:

«Фабрика кинопленки «Вольфен» сообщает, что при проведении на предприятии медосмотра было установлено, что 90% восточных работниц в возрасте с 17 до 29 лет были целомудренными. По мнению разных немецких представителей, складывается впечатление, что русский мужчина уделяет должное внимание русской женщине, что в конечном итоге находит отражение также в моральных аспектах жизни».

5. Советские методы господства и наказания

Исключительно большая роль в пропаганде отводится ГПУ. Особенно сильно на представления немецкого населения воздействовали принудительные ссылки в Сибирь и расстрелы. Немецкие предприниматели и рабочие были очень удивлены, когда германский трудовой фронт повторно указал на то, что среди остарбайтеров нет таких, кто бы подвергался у себя в стране наказанию. Что касается насильственных методов ГПУ, которые наша пропаганда надеялась во многом еще подтвердить, то, ко всеобщему изумлению, в больших лагерях не обнаружено ни одного случая, чтобы родных остарбайтеров принудительно ссылали, арестовывали или расстреливали. Часть населения проявляет скептицизм по этому поводу и полагает, что в Советском Союзе не так уж плохо обстоит дело с принудительными работами и террором, как об этом всегда утверждалось, что действия ГПУ не определяют основную часть жизни в Советском Союзе, как об этом думали раньше.

Благодаря такого рода наблюдениям, о которых сообщается в докладах с мест, представления о Советском Союзе и его людях сильно изменились. Все эти единичные наблюдения, которые воспринимаются как противоречащие прежней пропаганде, порождают много раздумий. Там, где антибольшевистская пропаганда продолжала действовать с помощью старых и известных аргументов, она уже больше не вызывала интереса и веры, как это было перед началом и в первый период германо-советской войны. Высказываются пожелания, чтобы давалась по возможности реальная картина повседневной русской жизни, ее людей и т.д. Отдельные спокойно размышляющие немцы считают, что необязательно судить о Советском Союзе в целом по ост-арбайтерам, так как они, например, в религиозном отношении действуют здесь значительно свободнее, чем в Советском Союзе, где на них оказывалось давление. Однако изменений, которые уже произошли в связи с прибывшими в империю людьми, недостаточно для того, чтобы ликвидировать все возникшие сомнения в прежних представлениях о России, не говоря уже о том, что очень часто подобные размышления не имеют места.

Bundesarchiv Koblenz. Reichssicherheitshauptamt.
R 58/182. Meldungen aus dera Reich Nr. 376.15.4.43. S. 8-17.
Перевод и публикация кандидата исторических наук Анатолия Якушевского,
«Источник», N3, 1995 г.

Кто и зачем зовет чекистов на митинги

Признаться, с интересом слежу за событиями, разворачивающимися вокруг подготовки к шествию 4 февраля. А они, надо сказать, весьма показательны, даже гротескно показательны.

Верховодящие на трибуне системные либералы, по всей видимости, абсолютно уверены в двух вещах.

Во-первых, в собственных силах.

Во-вторых, в крайней степени наивности и даже политической безграмотности уличных толп. Причём, настолько уверены, что и элементарные рамки приличий соблюдать уже не считают необходимым. Если ранее системные либералы ещё как-то стремились доказать общественности, что они - не зеркальное отображение путинизма, не двойники власти, а, напротив, её антиподы, то теперь, похоже, маски сброшены окончательно. Надо быть поистине слепым, чтобы этого не узреть: перед нами представители всё того же преступного класса жуликов и воров, порождённого 91-м годом, которые теперь отчаянно рвутся обратно к сытной кормушке, откуда их несколько оттеснила другая группировка из числа своих же, "социально близких».

Вот я цитирую фрагмент из опубликованной на Гранях. ру статьи «Окопные проследят за порядком?» за подписью Сергея Аксёнова, одного из руководителей партии «Другая Россия»:

«Геннадий Гудков, экс-чекист, депутат, а ныне еще и лидер народного протеста, облечен доверием оргкомитета, чтобы обеспечить безопасность на шествии 4 февраля. Это выяснилось на заседании в «сахарнице», которое состоялось 26 января.

«Бывших чекистов не бывает», - подумали, очевидно, бонзы оппозиции и доверили депутату работу «по специальности». Верный своему происхождению Гудков тут же заявил о намерении тесно взаимодействовать в вопросе безопасности с полицией и ФСБ: их попросят предоставить «достаточное количество сотрудников в штатском», проще говоря, «оперов». Причем речь шла о размещении сотрудников внутри колонн протестующих, а не по их периметру». (http://grani.ru/blogs/free/entries/195190.html).

И Сергей Аксёнов, и я участвуем в уличном протестном движении более десяти лет. Активно участвовали в нём ещё тогда, когда господин Гудков, будучи депутатом Государственной Думы и по совместительству членом фракции «Единой России», был в первых рядах охранительных церберов и в прямом эфире соловьёвского ток-шоу «К барьеру» буквально слюной брызгал, обвиняя Эдуарда Лимонова в своекорыстной эксплуатации несмышлёных детей, оранжизме и чуть ли не государственной измене.

Гудков то время, напомню, сидел в комфортабельном кресле думского депутата и ни на какие протестные акции выходить даже и не думал - наоборот, громогласно клял тех, кто выходит. При этом с особой яростью - членов ещё незапрещённой тогда НБП, которые, в отличие от господина Гудкова, в те годы сидели всё больше по тюрьмам и лагерям.

Минуло семь лет. И вот теперь уже Геннадий Гудков, предусмотрительно сменив единороссовскую фракцию на «норковую», стал завсегдатаем протестных митингов, в то время как уже Эдуард Лимонов, проявив политическую принципиальность и моральную чистоплотность, отказывается стоять на трибуне рядом с политическими проходимцами.

Тот факт, что системные либералы, ещё даже не взяв власть, пошли на беспрецедентный шаг (а самоличное приглашение соответствующим органам нашпиговать ряды собственных демонстрантов операми и сексотами в штатском - это нечто из ряда вон выходящее даже для нашей насквозь циничной «реал-политик») и фактически у всех на глазах вытерли ноги о тех, кто собирается выйти на улицу 4 февраля под их же руководством, по-моему, характеризует их классовую сущность более чем красноречиво. Либералы держат народ за быдло так же, как и «собчекисты», о чём наиболее одиозные фигуры из «норкового» лагеря наподобие Ксении Собчак говорят, не стесняясь.

Я разделяю возмущение Сергея Аксёнова, высказанное им в своей статьей на Гранях. Но я не согласен с его трактовкой мотивов подобного решения, принятого на заседании самозваного «сахарного» оргкомитета.

Нет, товарищ Аксёнов, не в том дело, что устроители шествия 4 февраля протестующих «принимают за детей, неспособных лично дать отпор провокаторам». Как раз таки наоборот: очень даже не принимают, по крайней мере, часть из них! Потому-то и зовут на помощь оперативников из центра «Э», потому-то и поручают отставному спецслужбисту Гудкову совместно с ними «обеспечивать безопасность».

Чью? Да собственную, конечно! Либералы, которые так любят с пеной у рта кричать повсюду о свободе слова, знаете ли, очень нервно реагируют, когда народ начинает высказывать им в лицо то, что о них думает, ну или хотя бы просто громко свистит. Сам видел в Петербурге на митинге 10 декабря, сколь психопатично повёл себя Шендерович, когда из толпы раздались неодобрительные выкрики в его адрес.

Он и ему подобные деятели больше не желают, чтобы их засвистывали и устраивали им обструкцию, поэтому нетрудно догадаться, какого рода «провокаторов» будут выискивать в толпе люди в штатском. Либералам нужна полностью управляемая, полностью манипулируемая толпа, и в достижении этой управляемости посредством отсечения всех неугодных им поможет та же самая власть в лице полиции и центров «Э», которая будто бы ведёт с «пятой колонной» непримиримую борьбу.

В том-то и дело, что, свалив Путина и его группировку (а я этого вовсе не исключаю), либералы ни с кем - подчёркиваю, ни с кем! - властью делиться не станут. Те, кто всерьёз думают, что помогая либеральной группировке преступного класса компрадорской буржуазии одолеть «собчекистскую» группировку, принадлежащую к тому же самому классу, они сумеют её впоследствии каким-либо образом перехитрить и перехватить инициативу - прекраснодушные мечтатели и политические дилетанты.

Даже если первый постпутинский парламент действительно получится «расквашенным» и в нём будет представлено каждой твари по паре, то судьба его при конфронтации с исполнительной властью, находящейся в руках у Касьяновых Немцовых и Навальных, будет незавидной. Облепившие Ельцина либералы начала 90-х поначалу тоже начинали с популистских заявлений о гласности, свободе слова, торжестве закона, борьбе против коррупции и всевластия КПСС. Да только закончили танковыми залпами по законно избранному Верховному Совету под вопли полоумной интеллигенции: «Раздавите гадину!».

Произойди сейчас либеральный реванш, и вся мощь существующих ныне карательных органов будет обрушена именно на лево-патриотический лагерь, на тех, кто стоит не за «норковых шуб», а за простой народ. Столь ненавистные многим оппозиционерам опера из центра «Э» никуда не исчезнут - они, пусть даже и под новым названием, будут выполнять приказы другого руководства. Скорее всего, приказы даже более неправедные и жестокие, чем те, которые им ныне отдают «собчекисты». Для того, чтобы с уверенностью предположить подобное, не требуется дар провидца. Вы просто вслушайтесь, как следует в то, о чём верещит сейчас вся эта камарилья - предельно откровенных, антирусских, социал-расистских в своей сути высказываний они понаделали уже столько, что в цитатах можно просто утонуть. «Норки» рвутся в Кремль не для того, чтобы распахнуть его ворота перед честными, искренне желающими блага для России людьми. Поистине безумен тот, кто верит в иное.

Повторял и повторяю сейчас: только альтернативная точка сбора, только третья сила. Быть одновременно и против власти, и против либеральных реваншистов - вот единственно возможная сегодня гражданская позиция каждого честного человека в России! Не мы развязываем войну на два фронта. Она уже идёт против нас вовсю.

NONAME

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ (часть первая)

Рустем Вахитов

Трудно найти обывателя, который не слышал, например, о Национал-Большевистской Партии Э.Лимонова, благодаря эксцентрической форме своих акций не сходящей с экранов ТВ и со страниц газет. Среди интеллектуалов точно также редко кто не знает об А.Г. Дугине, позиционирующем себя и как национал-большевика, и как евразийца, и как генонониста. Но после знакомства с трудами Н.В. Устрялова начинаешь понимать всю пикантность ситуации с современным национал-большевизмом, который в общем-то лишен преемственности с классическим русским национал-большевизмом 20-х – 30-х годов.

Часть 1 Судьба идеи и ее создателя

1.1. Об истинном и ложном русском национал-большевизме

В 2003 году увидела свет книга Н.В. Устрялова «Национал-большевизм» (Москва, издательство «Алгоритм»). Она включает в себя основные программные тексты этого политического мыслителя начала XX века – теоретика классического русского национал-большевизма, которые до сих пор в большинстве своем были практически недоступны для широких кругов читателей (редкие журнальные и интернет-публикации не могли дать полного представления о взглядах Устрялова)[1]. Можно без преувеличения утверждать, что это – подлинное открытие идеологии и, особенно, теории русского национал-большевизма. Конечно, этот тезис звучит крайне парадоксально. Могут возразить, что вообще-то национал-большевизм и так чрезвычайно известен в современной России. Трудно найти обывателя, который не слышал, например, о Национал-Большевистской Партии Э.Лимонова, благодаря эксцентрической форме своих акций не сходящей с экранов ТВ и со страниц газет. Среди интеллектуалов точно также редко кто не знает об А.Г. Дугине, позиционирующем себя и как национал-большевика, и как евразийца, и как генонониста.

Но после знакомства с трудами Н.В. Устрялова начинаешь понимать всю пикантность ситуации с современным национал-большевизмом, который в общем-то лишен преемственности с классическим русским национал-большевизмом 20-х – 30-х годов (и показательно, между прочим, что современные «национал-большевики» чаще всего обращаются к кому угодно – к Генону, Эволе, Никишу, Маркузе, Бодрийяру, но только не к Устрялову[2], а если у них встречаются отсылки к создателю русского национал-большевизма, то, как правило, не непосредственные, а взятые у израильского исследователя М. Агурского[3]). А надо заметить, что при всей авторитетности М. Агурского, его трактовка национал-большевизма, на наш взгляд, неоправданно широка. Она включает в объем этого понятия практически все течения политической мысли начала XX века, принявшие по тем или иным причинам Октябрьскую революцию 1917 года, вплоть до мистических анархистов и поэтов-модернистов. М. Агурский так и пишет: «… к нему (национал-большевизму – Р.В.) по праву должны быть отнесены все ранние формы национального признания большевизма…»[4] А что касается теоретика современного национал-большевизма А.Г. Дугина, то его понимание этой идеологии еще шире. В статье «Метафизика национал-большевизма» он пишет: «самым удачным и полным определением национал-большевизма будет следующее: «национал-большевизм – это сверхидеология, общая для всех врагов открытого общества»[5]. Собственно, современные «лимоновцы» и «дугинцы» и являются в лучшем случае наследниками разного рода левых авангардных националистов начала XX века, склонных к рискованным разновидностям религиозного мистицизма, вроде «скифов» (А. Блок, А. Белый, Иванов-Разумник и др.), в худшем же случае они – идеологические эклектики, некритически приемлющие и пытающиеся соединить все идеи, противостоящие капитализму и либерализму: от православного и исламского фундаментализма до кроулианства. Кстати, о том, что ближе к истине, видимо, последнее, худшее предположение, свидетельствуют те источники и «попутчики» национал-большевизма Дугина, которых он сам указывает в книге «Тамплиеры пролетариата»: тут и Клюев, и Мамлеев, и Ги Дебор, и Кроули, и Достоевский, и Юнгер, и Генон с Эволой. Вряд ли Устрялов бы согласился с таким «набором союзников», истоки истинного устряловского национал-большевизма совсем иные – русские славянофилы Данилевский и Леонтьев, западные философы Гегель и Макиавелли[6]. Да и простая школьная логика подсказывает, что такое совмещение различных, порой противоположных идей (как, например, русское старообрядчество и кроулианство) под знаком одной «сверхидеологии» приводит лишь к тому, что эта «сверхидеология» становится содержательно пустой, в ней не остается ничего, кроме голого отрицания; это следует и из элементарного закона логики: чем больше объем понятия, то есть чем больше предметов оно охватывает, тем меньше его содержание, то есть тем меньше общих для этих предметов положительных признаков.

Стоит вспомнить, что вообще-то русские эмигранты, выдвинувшие термин национал-большевизм (а он был придуман не Устряловым, а его идеологическими оппонентами, но Устрялов его принял), относили к национал-большевизму лишь русских консерваторов, признавших большевиков как создателей сильного российского государства (часть генералитета царской армии во главе с А. Брусиловым, монархисты Пуришкевич и Шульгин, сменовеховцы, некоторые евразийцы, младороссы). Вместе с тем даже это определение является, на наш взгляд, слишком широким. Если понимать под национал-большевизмом не простое «сближение» некоторых консервативных течений русской мысли с большевиками, как хотелось думать антисоветски настроенным эмигрантам, а своеобразную, оригинальную идеологию, имеющую свои отличия и от евразийства, и от сменовеховства, то его основным представителем и одновременно создателем и теоретиком можно считать лишь Н.В. Устрялова[7]. И этот истинный устряловский национал-большевизм, бесконечно отличный от дугинского идеологического эклектизма и лимоновского политического авангардизма, по недоразумению присваивающих себе то же имя, является, как уже отмечалось, ветвью русской, неославянофильско-консервативной мысли. Именно он и наименее известен сейчас. После перестройки появился ряд специально научных исследований, касающихся национал-большевизма Н.В. Устрялова (С. Константинов, С. Сергеев, О. Воробьев, К. Фетисов, А. Карадогин и др.), но большинство из них имеют академическую направленность и не претендуют на активизацию эвристического потенциала идей Устрялова. Кроме того, среди современных исследователей не все в достаточной мере беспристрастны, а некоторые откровенно враждебны Устрялову и его концепции (сказывается дух эпохи, когда к нам «возвращался» Устрялов – 90-х годов XX века, в которые самые заезженные, дешевые штампы либерализма воспринимались вдруг ставшим постсоветским российским интеллигентом как «откровение»). Особенно показательны в этом плане статьи одного из известных исследователей Устрялова О.А. Воробьева («Трагедия перерождения. Николай Устрялов и «Смена вех», «Апология дуализма» (по статье Н.В. Устрялова «Две веры»), «Психологические мотивы сменовеховства»)[8]. Будучи большим знатоком биографии и работ Н.В. Устрялова, О.А. Воробьев не скрывает при этом своего неприятия его идей. Он

(продолжение на 11 странице)

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(Продолжение. Начало на стр. 10)

называет Устрялова «прожектером «Смены вех», а его путь тупиковым (и тут же, вопреки всякой логике, умудряется заметить, что Устрялов обладал талантом и политическим чутьем, и что его идеи исподволь влияли на советскую идеологию вплоть до конца ее существования)[9], отказывается, вопреки Устрялову, считать СССР правопреемником Российской Империи, говоря лишь о «поглощении коммунистами государственного организма», о том, что страна поменяла не только название, но и предназначение, о тактическом и хитром использовании большевиками патриотических лозунгов вплоть до Великой Отечественной войны[10], наконец, тщась «сорвать маску патриотизма со сменовеховства», и доказывая, что все эти идеи-де – от подсознательного стремления к смерти, от «архаичного» увлечения парадигмой империи, от недостаточного пиетета к демократии[11]… Перед нами «альтер эго» белоэмигрантских хулителей Устрялова, отвергающий все его принципиальные идеи и академического лоска ради признающий лишь второстепенные достоинства. Причем, Воробьев даже не пытается опровергнуть аргументы Устрялова (а ведь кому, как не ему, знать, что Устрялов – не публицист-фразер: будучи оригинальным политическим мыслителем, Устрялов последовательно и убедительно доказывал, что СССР – живое продолжение российской государственности, что большевизм незаметно для себя перерождается в российский патриотизм). Что ж, за последние 70 лет способы ведения дискуссии у врагов национал-большевизма, увы, не изменились… Непонятно только, зачем О.А. Воробьев сделал предметом своих научных изысканий национал-большевизм Н.В. Устрялова, если он так неприязненно к нему относится. Естественно ожидать вообще-то, что если ученый занимается каким-либо предметом, то он видит в нем определенную, пускай и не безусловную ценность, в противном случае мы будем иметь дело не с научным анализом, а с преднамеренным и пристрастным «опровержением».

Другие исследователи – С.Сергеев, С. Константинов, на наш взгляд, выбрали гораздо более плодотворный путь, они не поддаются на уловки стереотипов «духа века сего» и показывают ценность и даже актуальность многих идей Устрялова. В данной работе мы бы хотели продолжить именно это направление исследований. Цель нижеследующей статьи – попытаться систематически описать теорию национал-большевизма Устрялова и показать актуальные аспекты национал-большевизма.

1.2. Путь Устрялова: от Колчака к Сталину

Но обзор взглядов Устрялова будет слишком абстрактным, если их элиминировать из исторического контекста. Поэтому мы предварим его кратким рассказом о жизни и сочинениях Устрялова, ничуть не претендуя при этом на полноту[12]. Николай Васильевич Устрялов родился в 1890 году в Петербурге. Он окончил юридический факультет Московского университета, где его учителями были Б.П. Вышеславцев, Л.М. Лопатин, С.А. Муромцев и другие видные представители русской науки начала прошлого века. Но определяющее влияние оказали на молодого Устрялова, видимо, взгляды Струве, Новгородцева и, особенно, Е.Н. Трубецкого. Именно эти «либеральные славянофилы» привили будущему национал-большевику национальные идеи и, что главнее всего, государственничество. От либерализма впоследствии Устрялов отошел, а вот «государственническая струя» в его взглядах все усиливалась, пока не стала определяющей.

Уже в студенчестве Устрялов увлекся политикой. Он примкнул к «правому» крылу партии конституционных демократов, связь с которым продолжалась довольно долго, вплоть до «колчаковского периода» его жизни (интересно заметить, что оттуда же, из среды, близкой к «правым кадетам», вышли и теоретики евразийства – П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, взгляды которых будут во многом перекликаться с национал-большевизмом Устрялова, и многие сменовеховцы – Ю. Ключников, Н. Гредескул; как видим, русский либерализм начала прошлого века, в действительности, имел мало общего с современным российским либерализмом, коль скоро в нем содержались «семена» нескольких будущих консервативно-революционных течений). По окончанию университета Устрялов получает приглашение продолжить заниматься научной работой, он соглашается, слушает лекции в Сорбонне и Марбургском университете, затем, после сдачи экзаменов, получает звание приват-доцента Московского университета. При этом он активно сотрудничает в праволиберальной газете «Утро России» и участвует в работе известного общества соловьевцев, где знакомится со многими видными представителями русской религиозной философии. Февральскую Революцию 1917 года Устрялов принял восторженно, так как увидел в ней шанс перерождения России и превращения ее в сильное национально-консервативное государство (впоследствии, в харбинском изгнании оценка этой революции уже зрелым Устряловым будет диаметрально противоположной, он станет утверждать, что она была национальным позором, торжеством политически беспомощной интеллигентской прозападной прослойки, началом распада России, который был остановлен лишь энергией, волей и штыками русского большевизма[13]). Соответственно, Октябрьская революция показалась молодому Устрялову, как и всем правым кадетам, подлинной национальной катастрофой, разразившейся, когда славная победа русского оружия была, казалось, совсем близка. Большевики пока еще для Устрялова – фанатики бредовой идеи, готовые превратить бесконечно дорогую для него Родину в «дрова для мировой Революции» (собственно, на тот момент, когда революционная стихия перехлестывала через край и выбрасывала на поверхность самые радикальные элементы, отчасти это так и было, и залог тому – утопическая и фразерская позиция «левых коммунистов» во главе с Н. Бухариным по вопросу Брестского мира)

Неудивительно, что в гражданскую войну Устрялов оказывается в стане Колчака. В Омске Устрялов занимает видное место среди правых кадетов, окружавших Колчака. Он не только был руководителем Восточного бюро партии и активным публицистом кадетской газеты «Накануне» (выпускаемой вместе с будущим сменовеховцем Ключниковым), по свидетельству Агурского, Устрялов возглавляет «правую оппозицию Колчаку», к которой тот склонен был прислушиваться[14]. Устряловская оппозиция подталкивает Колчака к тезису «диктатура ради демократии». Пока еще оставаясь в принципе на позициях «формальной» демократии западного типа, Устрялов тем не менее с присущим ему уже тогда политическим реализмом совершенно справедливо утверждал, что бывают ситуации, когда формальная демократия неуместна. Чрезвычайные условия требуют чрезвычайных форм правления, а именно – диктатуры. «Игры в парламентаризм» в разгар гражданской войны, поднятие на щит европейских идеалов «гражданского общества» в крестьянской евроазиатской стране погубят Белое движение – предсказывает Устрялов, и это предсказание сбылось в точности. Уже когда очевидными стали крах Колчака и корыстные цели «лукавых союзников» – стран Антанты и Японии, желавших не столько помочь «белым», сколько поживиться за счет слабости России, Устрялов отбрасывает формально-демократические «украшения» и начинает дрейфовать в сторону признания большевизма как единственной силы, сохраняющей Россию. Но, что важно заметить, это вовсе не означало признания коммунизма и марксизма, имелся в виду лишь последовательный шаг российского патриота, для которого целостность и сила Отечества важнее его партийных пристрастий. Воюя с иноземными врагами и воссоединяя Родину (неважно по каким причинам), большевики, по Устрялову, выказали себя большими патриотами, чем белые, запутавшиеся в своих «особых» отношениях с «союзниками» (а на самом деле злейшими противниками) России. После трех бессонных ночей в Чите Устрялов принципиально принимает сторону красных и выступает против продолжения «белого сопротивления». Путеводительным маяком для Устрялова вскоре станут офицеры царского генштаба во главе с Брусиловым, которые тоже перейдут на сторону красных, не приняв «смычки» белых и поляков, имевших территориальные претензии к России. «Поражение России в этой войне (советско-польской войне – Р.В.) задержит надолго ее (России – Р.В.) национально-государственное возрождение, углубит ее разруху, укрепит расчленение… Но зато ее победа вознесет ее сразу на былую державную высоту и автоматически откроет перед ней величайшие международные перспективы, которых так боятся ее вчерашние друзья… Ужели этого не чувствует Врангель?»[15] - напишет об этом Устрялов.

Именно эти идеи, которые затем получат название национал-большевизма, Устрялов развивает в своей первой книжке – «В борьбе за Россию», выпущенной в Харбине, куда Устрялов переселился с семьей, в 1920 году. Книжка вызывает скандал в белой эмиграции и… горячую поддержку лидера большевиков В.И. Ленина. Пути «красных» и «белых» патриотов, как и предсказывал Устрялов, пересеклись, и почвой для сотрудничества стало общее стремление сохранить Великую Россию и ее государственность: «С точки зрения большевиков русский патриотизм, явно разгорающийся в последнее время под влиянием всевозможных «интервенций» и «дружеских услуг» союзников, есть полезный для данного периода фактор в поступательном шествии мировой революции. С точки зрения русских патриотов, русский большевизм, сумевший влить хаос революционной весны в суровые, но четкие формы своеобразной государственности, явно поднявший международный престиж объединяющейся России и несущий собою разложение нашим заграничным друзьям и врагам, должен считаться полезным для данного периода фактором в истории русского национального дела»[16].

Сначала Устрялов оставался в одиночестве, затем у него появляются единомышленники. Это сменовеховцы (Ключников, Лукьянов, Потехин, Бобрищев-Пушкин), затем – евразийцы, прежде всего, левые – Л.П. Карсавин, С. Эфрон, Д.П. Святополк-Мирский, П.П. Сувчинский (Устрялов в письме к Сувчинскому прямо называл себя левым евразийцем[17]), хотя и такой лидер правого, первоначального евразийства, как П.Н. Савицкий, в письме к Струве также именовал себя национал-большевиком в устряловском духе[18]. Но ближе всего Устрялов стоит, конечно, к сменовеховцам, с одним из его лидеров – Ключниковым – он был знаком еще по Омску. Устрялов участвует в их первом сборнике («Смена вех», Прага, 1921), в позднейших изданиях – «Накануне», в советском сменовеховском издании «Россия» (где его постоянным «тактическим оппонентом» становится лидер советского сменовеховства И. Лежнев (Альтшуллер)). Однако и по отношению к сменовеховцам Устрялов занимает свою, особую, отстраненную позицию. Впоследствие, когда сменовеховство «полевеет и полостью «растворится в коммунизме», Устрялов будет отзываться о нем даже очень резко[19]. Пытается сотрудничать он и с другими «пореволюционными» группами в эмиграции («утвержденцы»), везде выказывая большую долю самобытности. Устрялов пишет новые работы. Национал-большевизм дополняется экономической теорией в духе ленинского нэпа, но, конечно, без идей социализма и коммунизма, масштабной критикой формальной демократии уже в общеевропейском разрезе, своеобразной теорией революции. Устрялов чутко следит за тем, что происходит на любимой Родине. И он – один из немногих эмигрантских публицистов, к кому прислушиваются и в Советском Союзе, кого не только замечают, но и вступают с ним в полемику. На статьи Устрялова так или иначе отзывалась почти вся «верхушка большевиков» (Ленин, Сталин, Троцкий – сочувственно, Бухарин, Зиновьев, Султан-Галиев – резко неприязненно).

Устрялов активно сотрудничает и в эмигрантской прессе, несмотря на мощное противодействие и обвинения в «политическом коллаборационизме». Продолжает он заниматься и научными исследованиями – он одним из первых дал научную оценку германскому национал-социализму и итальянскому фашизму, занимался изучением политической философии Платона, этики Шопенгауэра, преподает в харбинском Политехе.

В 1925 году Устрялов принимает советское гражданство и устраивается работать на КВЖД. Для философа это был патриотический акт, тем самым он признавал, что СССР есть новая ступень развития все той же российской цивилизации и долг каждого патриота – быть в любом случае со своей Родиной. Тут уместно привести слова Устрялова, написанные еще в 20-ом году: «Нам, естественно, казалось, что национальный флаг и «Коль славен» более подобают стилю возрожденной страны, нежели красное знамя и «Интернационал». Но вышло иное. Над Зимним дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развевается красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют «Интернационал». Пусть это странно и больно для глаз, для уха, пусть это коробит, но в глубине души невольно рождается вопрос: Красное ли знамя безобразит собою Зимний дворец или наоборот, Зимний дворец красит собою красное знамя? «Интернационал» ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал»?»[20]

В том же 1925 году Устрялов посещает СССР (свои впечатления он описал в брошюре «Россия (у окна вагона)», она вышла вместе со вторым национал-большевистским сборником «Под знаком Революции»). Главный вывод, который вынес Устрялов после посещения Родины, бесед со старыми знакомцами, оставшимися в СССР, лицезрения своими глазами индустриальных успехов Советской России, харбинский отшельник выражает формулой: «национализация Октября». Устрялов с удовлетворением констатирует, что экстремистские и космополитические идеи 1917 года постепенно выветриваются, Россия возвращается в русло национального бытия, конечно, на новом его этапе. Столкнувшись с российской почвой, большевизм все больше становится правее и национальнее.

Но постепенно обстоятельства изменяются не в лучшую для Устрялова сторону. Сменовеховство идет на спад, закрываются сначала европейские сменовеховские издания (газета «Накануне»), затем и внутрисоветские (журнал «Россия»). Все сильнее давление и озлобление эмиграции. В СССР сворачивается нэп, начинается фракционная борьба в партии. В новом сборнике Устрялов стремится осмыслить происходящее, и признает свои ошибки в сфере экономической теории. Устрялов полностью поддерживает Сталина как государственника и Русского Бонапарта, призванного историей вывести Россию из низменной горячки якобинства к ледяным горным вершинам Империи. Харбинский мыслитель приветствует разгром ленинской гвардии – космополитов-революционеров, бредящих мировой революцией. Сталинскую формулу «социализм в отдельно взятой стране» Устрялов воспринимает, и думаем, не без оснований, как перевод на корявый язык вульгарно-марксистского волапюка формулы российского великодержавия. И, кстати, мы должны здесь говорить не только о том, что Устрялов принял Сталина, но и о том, что Сталин принял Устрялова. Недаром же О.А. Воробьев называет тезис о социализме в одной стране «устряловско-сталинским», а С. Сергеев именует Устрялова заочным политическим духовиком Сталина. Без сомнений, вождь внимательно изучал национал-большевистские труды Устрялова, хотя и не мог открыто признаться в их влиянии на свое мировоззрение (следуя принятым тогда в партии нормам, он характеризовал Устрялова как идеолога мелкой буржуазии). Противникам Сталина эта нехитрая уловка была понятна, Троцкий открыто назвал Сталина устряловцем, «могильщиком революции» и русским империалистом, и если откинуть эмоциональную фразеологию и негативные оценки, то, видимо, по существу, он был недалек от истины.

Во всяком случае, уже к середине 30-х Устрялов с удовлетворением замечает: Сталин перешел на позиции национал-большевизма[21] (именно так, а не наоборот, как считает Воробьев, упрекающий Устрялова за то, что… это он стал большевиком).

В 1935 году в жизни Устрялова происходит ключевой поворот. На Дальнем Востоке получают широкое распространение идеи русского фашизма, резко антибольшевистские и антисоветские (русские фашисты при поддержке японского генштаба осуществляли террористические диверсионные акты на территории СССР, воевали против советских войск при Халкин-голе)[22]. Национал-большевика Устрялова не печатают в местных газетах, он лишается работы в университете. В 1935 году СССР продает КВЖД Манчжурии, и Устрялов решает вернуться в СССР.

На дворе – вторая половина 30-х годов. Близится Большой Террор, который, надо заметить, Устрялов предсказал в своем блестящем анализе логики развития всякой великой революции и даже приветствовал как последнюю агонию революции и возвращение России к своим национальным истокам. Судя по всему, Устрялов и не тешил себя надеждой, что его, бывшего белогвардейца, хотя и лояльного к Советской власти, минуют «ежовые рукавицы». Можно предположить, что для Устрялова – его возвращение было своеобразным самопожертвованием. Столько лет говорить о необходимости принять целиком, пропустить через себя трагическую судьбу новой России, и не бросить свою плоть в костер большевистского бонапартизма, переплавляющий западный коммунизм в особую разновидность русской идеи – это, по Устрялову, безнравственно.

Действительно, первоначально тепло принятый на Родине, нашедший работу преподавателя в советском вузе, печатающийся в главных большевистских газетах – «Правде» и «Известиях», профессор Устрялов в 1937 году органами НКВД вдруг объявляется «врагом народа». По фальшивому обвинению в шпионаже в пользу Японии Устрялов приговаривается к «высшей мере социальной защиты», как выражались в то время. Прямо в день суда приговор был приведен в исполнение.

В 1989 году Н.В. Устрялов был посмертно реабилитирован. А его труды и оригинальные

(продолжение на 12 странице)

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(Продолжение. Начало на стр. 11)

идеи стали возвращаться к нам только сейчас, в начале XXI века, пробиваясь сквозь стереотипы о национал-большевизме, созданные современными политическими авангардистами, присвоившими себе его имя, сквозь инсинуации воинствующего либерализма и западничества.

Перу Устрялова принадлежит множество работ. Истоки национал-большевистской теории можно обнаружить уже в самых ранних (например, в программной статье «К вопросу о русском империализме» (1916 год)). Но основные положения национал-большевизма были высказаны в первых харбинских книжках «В борьбе за Россию» (1920) и «Под знаком Революции» (1925), а затем следует лишь их частные политические приложения (хотя поздние сборники Устрялова, например, «Наше время» (1934) и представляют определенный интерес в плане устряловского анализа фашизма и корректировки устряловской экономической программы). Будем реконструировать истинный русский национал-большевизм – взгляды Н.В. Устрялова, – обращаясь прежде всего к ним.

Часть 2 Национал-большевизм: метод и теория

2.1. Структура национал-большевизма

Вопреки инвективам эмигрантских противников Устрялова, которые хотели представить национал-большевизм как простую идеологию «соглашательства» с большевиками, а также современным ангажированным исследователям, вроде О. Воробьева, которые вообще стремятся вывести национал-большевизм из психологического состояния пореволюционной интеллигенции, мы укажем на то, что вообще-то национал-большевизм – самостоятельная и довольно самобытная концепция. Именно концепция дает обоснование консерватору-неославянофилу Устрялову для тактического союза с большевиками, а вовсе не наоборот. Хотя дело обстояло, конечно, не так, что сначала Устрялов создал доктрину, а затем начал делать из нее политические выводы в своей публицистике; человек страстный и полностью погруженный в «лаву» актуальной политики, Устрялов выплавлял национал-большевистскую теорию прямо в своих публицистических работах, что придало его публицистике особый «философический» привкус. Вычленить теоретические моменты и представить их систематически, конечно, задача непростая, но мы попытаемся с нею справиться.

Подобно случаю с Гегелем, который, кстати, был глубоко уважаем Устряловым, говоря о национал-большевизме следует разделять метод и теорию. Метод национал-большевизма – диалектика, приобретшая характер «политического реализма», теория включает в себя учения о государстве, революции и экономике.

2.2. Диалектика Устрялова

Великий русский философ XX века А.Ф. Лосев писал: «диалектика не есть никакая теория. Диалектика есть просто глаза, которыми философ может видеть жизнь»[23]. Если метафизика стремится уместить живую жизнь в прокрустово ложе формально-логических теорий, то диалектика позволяет увидеть жизнь с разных сторон. Противоречивость – свойство самого универсума и мыслить противоречия, в чем главная задача диалектики – значит мыслить реальность как она есть, не подменяя ее схемами нашего рассудочного познания. Устрялов бы вполне согласился с этим, ведь его диалектика есть не что иное, как политический реализм, которому противостоит политический догматизм.

Уже в первой национал-большевистской книжке – «В борьбе за Россию» в статье «О верности себе» Устрялов формулирует эту главную свою методологическую идею. Фундамент ее – признание того, что политика есть сфера относительного, текучего, и что в ней нет «универсальных решений», абсолютных, пригодных всегда и везде методов: «политика вообще не знает вечных истин. В ней по гераклитовски «все течет», все зависит от наличной «обстановки», «конъюнктуры», «реального соотношения сил»[24]. В ней нет постоянных союзников и противников: вчерашний враг становится другом и наоборот. В качестве примера такого политика-реалиста колчаковец Устрялов приводит… В.И. Ленина, политический гений которого он вообще высоко оценивал, естественно, не разделяя при этом его марксистских взглядов: «подобные примеры можно приводить до бесконечности. Наиболее близкий нам – феерическое превращение Ленина из «друга» Германии в ее «врага», из антимилитариста в идейного вождя большой регулярной армии, из сторонника восьмичасового рабочего дня в насадителя двенадцатичасового»[25]. И тут же Устрялов обрушивается на «политических догматиков», которые не осознают того, что живая жизнь противоречива и изменчива и, пусть из благих побуждений, безуспешно пытаются втиснуть ее в узкие и мертвые идеологические схемы, в противоположность политическим реалистам: «…неужели все эти люди (политические реалисты – Р.В.) – изменники своим принципам? Ничуть. Они лишь умеют отличать принцип от способа его осуществления. Они – лучшие слуги своей идеи, чем те, кто близоруким и неуклюжим служением ей лишь губят ее… Они не изменники, они только не доктринеры. Они не ищут неизменного в том, что вечно изменчиво по своей природе»[26]. Любопытно заметить, что эти упреки Устрялова, бросаемые им в адрес «патриотов-догматиков», представлявших большевиков как «силу сатанинскую», с которой не может быть никакого сотрудничества в принципе, по своему пафосу да и содержанию перекликаются с упреками Ленина в адрес меньшевиков, которые тоже хотели следовать «букве марксизма», не учитывая специфических российских условий, и потому заученно твердили об отсталости России, необходимости развития в ней сначала капиталистического базиса, «гражданского общества», начисто отвергая ленинскую идею особого российского пути к социализму[27]. Неудивительно после этого, что вождь революции проявил особое внимание к книге Устрялова «В борьбе за Россию». Дело не только в том, что Ленин осознал выгоды сотрудничества большевиков, после 1918 года превратившихся в оборонцев и государственников, с русскими некоммунистическими патриотами – государственниками (хотя и это сбрасывать со счетов нельзя, вождь был гибок и прагматичен, как и следует хорошему политику). Но, полагаем, есть еще и другое – Ленин почувствовал в Устрялове «родственную душу», такого же, как он сам, врага политического догматизма и романизма и апологета историзма и диалектики, только стоящего на совершенно иных, немарксистских позициях.

Эту идею Устрялов развивает во второй национал-большевистской книжке «Под знаком Революции» в статье «Два этюда». Тут Устрялов привлекает, кроме Гегеля, еще и авторитеты Гамбетта и Макиавелли и находит своей методологической позиции на первый взгляд шокирующее определение – оппортунизм. Устрялов стремится избавить это слово от налипших к нему негативных ассоциаций и вернуть ему подлинный смысл, который вкладывал в него теоретик оппортунизма Гамбетта: оппортунизм – это «политика результатов. То, что мы называем «реальной политикой». Учет обстановки, трезвый анализ действительных возможностей. Приспособление к окружающим условиям, дабы успешнее их преобразить, направить к поставленной цели»[28]. Имеется в виду не политическая беспринципность, приспособленчество и «фактопоклонство», отнюдь, речь идет об отсутствии неразумного романизма и доктринерства, желающего «резать по живому», калечить действительность в угоду «чистоты идеи». Устрялов восклицает в связи с этим: «нет ничего хуже в политике, чем упрямое и безответственное доктринерство… даже жертвенность не искупает порока ослепленности… Жертвы оправданы только тогда, когда они – реальные и необходимые средства к достойным и реальным целям»[29].

Еще одним классическим теоретиком «оппортунизма» Устрялов объявляет, конечно, Макиавелли. И тут не обходится без необходимости сначала реабилитировать это великое имя: «веками клеветали на него людские пороки – глупость, зависть, тщеславие, лицемерие, вероятно, оттого, что он их гениально распознал и учил, взнуздав их, пользоваться ими. Веками чернили «макиавеллизм» – гений Макиавелли не стал от того ни менее ярок, ни менее предметен, ни менее актуален в своей положительной и творческой направленности»[30]. Политический реализм Макиавелли, в действительности, не имеет ничего общего с пресловутым «макиавеллизмом» – стремлением к власти ради власти любыми средствами. Макиавелли учит овладевать властью не ради нее самой, а ради блага Родины: «…весь безбрежный релятивизм средств ни на минуту не заслонял в его гениальном ясновидящем сознании прочного достоинства руководящей задачи его времени, разума нарождающейся эпохи: великая родина, великая нация, великое государство»[31]. Макиавелли призывает государя отступать от норм морали не ради циничного самоутверждения, а потому, что в политике сплошь и рядом случаются ситуации, когда невозможно вести себя безукоризненно морально. Ведь мораль исходит из того, какими люди должны быть, а политик вынужден исходить из того, какие они есть на самом деле, то есть учитывать и использовать во благо их слабости и даже пороки[32].

Следуя Макиавелли, Устрялов предлагает свое понимание лозунга «цель оправдывает средства», который лицемерные либеральные политики поносят как верх цинизма, но которым сами вынуждены, пускай и исподтишка, пользоваться. Неправильно противопоставлять цели и средства и доктринерски вопить, что-де благая цель требует благих лишь средств, это значило бы не видеть диалектики цели и средств. По мере своего воплощения цель может становиться средством и вообще: «повсюду причудливое сплетение посредствующих целей и целеподобных средств»[33], а конечные абсолютные цели – вне этого материального мира с его изменчивостью и текучестью. Устрялов распространяет гегелевскую диалектику не только на цели, но и на средства, они тоже должны учитывать реальность, дабы не коверкать жизнь и не нести лишние страдания людям. Тех политиков, которые верят в политическое абсолютное зло, наряду с политическим абсолютным добром, Устрялов презрительно именует манихеями[34]: очевидно, имеются в виду белые патриоты, видящие в большевиках «силу сатанинскую», а в себе самих «спасителей отечества». Устрялов напоминает, что в мире политики нет абсолютного добра и абсолютного зла, здесь, в сфере низменной, текучей, материальной добро и зло перемешаны. Большевики – противники Церкви и Империи, с точки зрения русского патриота – это зло, но большевики принесли и добро – сохранили великодержавное российское государство, без которого немыслимо историческое бытие России. Белые, или, по крайней мере, самое консервативное их крыло, строили свою идеологию на православных и государственных ценностях – это благо, но закончили они сговором с врагами России, кое-где даже согласием «поделиться» с Западом русскими территориями – это зло. Такова диалектика политического добра и зла, одно легко перетекает в другое, патриоты становятся врагами своей Родины, космополиты – ярыми патриотами, желающие спасти Веру готовы разрушить государство, которое – корень бытия народа, а значит и его Веры, желающие уничтожить Веру перерождаются и приходят к ее пускай и неохотному и половинчатому, но признанию.

Теоретическая основа этого «оппортунизма», то есть политической диалектики Устрялова – конечно, та же гегелевская диалектическая теория национального духа. Дух народа дышит, где хочет, и его парадоксальные пути плохо согласуются с политическими доктринами, создаваемыми кабинетными теоретиками. Он – «Исторический Разум, живущий в нации, в государстве, врачующий их же недуги их же собственными орудиями и силами»[35]. Диалектика в этом смысле есть смирение перед неисповедимостью путей национального духа для нашего догматического рассудка, признание действительного как разумного, и в то же время не преклонение перед этим действительным, не бездумная, романтическая его идеализация.

Итак, диалектику Устрялова не стоит понимать лишь как политическую гибкость и парадоксальность, умение тонко чувствовать политическую обстановку и учитывать ее малейшие изменения (хотя и это верно, недаром же Устрялова называют русским Макиавелли). Устрялова вообще-то, впрочем, как и Макиавелли, не интересует реальная политика ради реальной политики. Диалектика, реальная политика – все это теряет значение вне высокой, являющейся предметом всех устремлений сверхзадачи – сохранения государства. Теория государства и есть истинный фундамент национал-большевизма, от которого зависят и все остальные его учения, а государственничество – альфа и омега национал-большевизма. И тут наблюдается органичное срастание метода и теории, учение о государстве у Устрялова внутренне диалектично, а диалектика у Устрялова, как мы видели, подчинена сохранению и процветанию государства.

2.3. Национал-большевистское учение о государстве

Уже в одной из ранних программных своих работ Устрялов формулирует базисное для своей политической теории положение: «человечество настоящей эпохи существует и развивается под знаком государственности. Народная личность, «национальная идея», как и всякая духовная монада, для своего проявления требует определенного единства. Единое целостное начало должно скреплять собою то сложное многообразие, каким представляется историческая жизнь того или другого «народа». И вот государство и явилось таким объединяющим, оформляющим, скрепляющим началом»[36]. Позднее Устрялов сформулирует его еще острее: «Для патриота эта общая верховная цель формулируется старым римским изречением: «благо государства – высший закон». Принцип государственного блага освящает собою все средства, которые избирает политическое искусство для его осуществления»[37]. Надо сказать, что это – нетипичная позиция для русского мыслителя, среди которых больше было вообще-то анархистов и антигосударственников, и «левых» и «правых» (от Бакунина до Толстого), или, по крайней мере, сторонников «либерального ослабления государства». Впрочем, этатизм Устрялова, как мы уже отмечали, не лишен предшественников в русской традиции: сам он указывает на Пестеля и Герцена, на поздних славянофилов Данилевского и Леонтьева, мы же укажем на его непосредственных учителей Струве, Новгородцева, Е.Н. Трубецкого. Однако еще ближе Устрялову Гегель, именно от его понимания государства – как высшей формы проявления национального духа – Устрялов и отталкивается: «государства – те же организмы, одаренные душой и телом, духовными и физическими качествами. Государство – высший организм на земле и не совсем неправ был Гегель, называя его «земным богом»[38]. (здесь нет никакого «отхода от православия», напомним, Гегель называл богом «исторический дух», отсюда истинный смысл этой фразы Устрялова: государство – земное воплощение исторического национального духа).

Устрялов стремится реабилитировать понятие империализм, которое в политическом лексиконе, начиная с XIX века, стало восприниматься сугубо негативно. Империя есть высшая форма государственного развития, она охватывает собой множество народов, имея таким образом в качестве субстанции культурно многообразный субстрат, она наилучшим образом защищает входящие в нее народы. Плох не империализм как таковой, а такой империализм, который по-варварски относится к народам периферии империи, вместо культурного взаимообогащающего диалога и сотрудничества практикуя насилие и грабеж (впоследствие в поздний период творчества Устрялов будет на этом основании противопоставлять советское великодержавие, которое совмещает в себе принцип единого сильного государства и братский союз народов, и западное великодержавие, которое собственно и называют империализм и которое основано на западоцентризме, ксенофобии, презрении к неевропейским народам и грубом попрании их интересов[39]). Сам же по себе империализм, понятый именно как великодержавие, стремление к созданию больших, многонародных государств вполне отвечает духу времени (Устрялов при этом отмечает, что XX век есть век империализма, каждая нация, чувствующая в себе творческие силы, создает свой, оригинальный «империализм» – английский, германский, американский, турецкий, наконец, российский). Более того, империализм совершенно естественен, так как связан с неотъемлемыми, сущностными чертами государства: «перед каждым государством встает практический императив: стремись к расширению, будь могучим, если хочешь быть великим! Здесь не только голос биологически естественного и ценного инстинкта, здесь веление нравственного разума, завет и требование исторического духа»[40]. Нас не должно удивлять утверждение о нравственном и культурном императиве империализма; для Устрялова великая империя органически и необходимо связана с великой культурой…

Всемирная история и международная политика и формируются столкновением различных «империализмов», которое по сути есть конкуренция национальных идей. Одни империи рождаются, другие умирают, малые государства переходят от одной сферы влияния к другой, давно уже утеряв самостоятельное значение… Устрялова чарует эта картина борьбы, смертей и рождений, крови и страданий, из которых вырастают цветы культуры, дикая красота живой жизни, стоящей вне наших схем, столкновение и переплетение стилей, культур. Он видит в изменениях политического ландшафта «печать высшей мудрости», «приговор исторического духа» – и здесь мы чувствуем влияние на Устрялова не только Гегеля, но и немецкого романтика и эстета Фридриха Ницше, а также его русского «собрата по духу», тоже эстета, но только православного, К. Леонтьева.

Р.Р. Вахитов

Продолжение следует.

УРОК СЛОВЕСНОСТИ (Памяти киножурнала «Ералаш»)

Источник: http://leoramschtain.livejournal.com/?skip=20

- Здравствуйте дети!

- Да, смерть, Марья Ивановна!!!

- Сегодня мы проработаем ведущую тему наших уроков литературы – «Образ нацбола в русской классической литературе». Назовите основные произведения русских классиков раскрывающих образы национал-большевиков. Вот, Вовочка хочет ответить.

- Да, Марь Иванна. Самая крутая книжка про нацболов это «Преступление и наказание» Федора Михалыча Достоевского. Там один студент-нацбол хотел помочь вдовам ветеранов Крымской компании и взял топор с собой им дрова нарубить. А один конторский – Порфирий решил его подставить на мокруху. Прокрался, старушек топором своим феэсбешным покоцал, а когда нацбол Раскольников пришел, как типа тимуровец, конторский ему типа – руки вверх, вы арестованы! Ну, тот в окно. Потом этот нацбол женился на сексуально комфортной девушке Мармеладовой и уехал БАМ строить. А конторского один педофил Свидригайлов зарезал в гостинице, типа как несовершеннолетнюю девочку.

- Садись пять, Вовочка! А ты Оля чего нам скажешь?

- Иван Тургенев написал тоже, про нацболов-животных. «Муму» называется. Там один хаус-майор не мог выражать протест угнетателям звуками. У него помещики и капиталисты язык отрезали, за то, что он его презику показывал. Так он собаку нашёл и научил «Сталин, Берия, Гулаг!» выть. А его строгая госпожа велела нацбольскую собаку утопить. А он утопил непартийную собаку. А партийную заколотил в ящик и отправил в Цюрих, где она достигла больших успехов в партийной публицистике.

- Молодец Оля. Какие ещё вы знаете книги о нацболах?

- Можно мне! Мне можно!

- Да Петя, отвечай.

- Вот «Недоросль», фон Визин написал, гауляйтер, наверное. Там один нацбол Метрофан, ну погоняло такое, от метро фанател, выступил против ханжеского адата школьного образования. Не хочу учиться, говорит вашему овощному образованию, а хочу повышать свою сексконфортность путём свободного брака. Ну, чудища с заплаканными глазами на него как навалятся. А он мамке Кабанихе в глаз хугом с левой и на БАМ уехал, типа строить, типа с лялькой, конечно.

- Хорошо, Петя. Кто ещё выскажется?

- Я, Марь Ивана. Граф Толстой написал про нацболку Аньку Каренину. Она «Лимонку» возила под кринолином через латышскую границу, в качестве жены сотрудника президентской администрации. А один конторский, типа гусар, факер нехилый, её типа на своего прика подсадил и стал пытать про пароли и явки. А она видит, что сексконфортность ей стала дороже партии, и как прыгнет под локомотив. Только успела этому гусару лубянского полка прик с болсами откусить. Потом пасатижами зафачились вынимать.

- Хорошо Светлана. Теперь ты Миша ответь.

- Одного нацбола Чичикова, партия послала увеличивать численность своих рядов…

- Миша!!! Кто дал тебе эту вредную книжку?

- Я, Марь Ивана её на помойке нашел, не читал даже, сразу сжёг с керосином. Я лучше басню расскажу Крылова-Соловья про презика и власть.

Однажды, как на ель
На трон кремлёвский взгромоздясь
Наш презик там сидел
Держамши в клюве Власть
А мимо Вождь
Лисой, одевшись, пробегал
Подумал он ну что ж,
Где мой не пропадал.
Ругаться снизу стал
Он матом подзаборным
Как будто маргинал
Отборно и задорно
Презик с испугу рот разинул
И режим ментовский сразу сгинул.

- Садись пять, Михаил. И больше по помойкам не тусуйся. А где, кстати, Артём и Маша?
Что-то их не видно?

Артёма и Маши действительно не было видно. Если бы их увидели, то бздянок бы накидали по полной программе и по партийной и по общеобразовательной линии. Потому что эти патентованные нарушители дисциплины, двоечники, прогульщики и похитители наглядных пособий выводили на школьном заборе огромными церковно-славянскими буквицами – «Россия без Савенок и Якименок!!!!»

С.Г.Кара-Мурза. Основания марксизма: этничность в тени классовой теории

В советское обществоведение, особенно в его учебные курсы, в качестве догмы вошло ключевое положение исторического материализма, согласно которому главные общественные противоречия выражаются в форме классовой борьбы. Это положение введено Марксом и Энгельсом в качестве постулата, а затем доказано на историческом материале как непреложный вывод. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) сказано: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Энгельс пишет в важной работе: “По крайней мере для новейшей истории доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, - ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, - ведется, в конечном счете, из-за освобождения экономического” [4].

Следуя этой догме, советское обществоведение приучило нас к тому, что движущей силой истории является классовая борьба. Авторитет основоположников марксизма в этом вопросе был (и негласно остается) непререкаемым. Под давлением этой установки мы перестали понимать и даже замечать те процессы, которые происходят с иными, нежели классы, общностями людей, и прежде всего с народами. Во всех общественных конфликтах и открытых столкновениях советский образованный слой был склонен видеть результат классовых противоречий.

Профессора и учебники истмата и научного коммунизма открыли нам, однако, лишь один, «верхний» слой обществоведческих представлений основателей марксизма. Считать, что классики марксизма действительно рассматривали любую политическую борьбу как борьбу классов, неправильно. Это – всего лишь идеологическая установка для “партийной работы”. Когда речь идет о крупных столкновениях, в которых затрагивается интерес Запада как цивилизации, субъектами борьбы в представлении марксизма оказываются народы (иногда их называют нациями). Это кардинально меняет методологию анализа, а следовательно, и политическую практику. По своему характеру и формам этнические противоречия, в которых люди действуют как народы, очень сильно отличаются от классовых. Те, кто этого не понимает и мыслит только в категориях классовой борьбы, подобен военачальнику, который планирует свои действия по карте совершенно другой местности.

Для нас важен и тот факт, что в обобщенной форме эти представления вошли в исторический материализм, который развивали Маркс и Энгельс и на котором воспитывалось несколько поколений советской интеллигенции, - но мы этого не видели. Мы принимали буквально и понятия о свободе, равенстве и справедливости, которые были на знамени марксизма, и присущие ему ценности гуманизма и пролетарского интернационализма. Смысл всех этих понятий сильно меняется, когда в обществоведческой концепции модель классовой борьбы заменяется моделью борьбы народов.

Для многих людей, воспитанных на советском истмате, думаю, будет неожиданностью узнать, что при таком переходе представления классиков о гуманизме и правах народов почти выворачиваются наизнанку – народы в их концепции делятся на прогрессивные и реакционные. При этом категории свободы и справедливости, как основания для оценки народов в их борьбе, отбрасываются. Народ, представляющий Запад, является по определению прогрессивным, даже если он выступает как угнетатель. “Варвар”, который борется против угнетения со стороны прогрессивного народа, является для классиков марксизма врагом и подлежит усмирению вплоть до уничтожения.

Эта концепция детально изложена Энгельсом в трактовке революционных событий 1848 г. в Австро-Венгрии [1] .

Доктрина прогрессивных и реакционных народов

Сначала Энгельс дает исторический очерк становления Австрии, в котором и подчеркивает, что это был процесс захвата славянских земель и угнетения славян. Вот главные для нас положения этого очерка: “Габсбурги получили те южногерманские земли, которые находились в непосредственной борьбе с разрозненными славянскими племенами или в которых немецкое феодальное дворянство и немецкое бюргерство совместно господствовали над угнетенными славянскими племенами…

Расположенная к югу от Судетских и Карпатских гор, Австрия в эпоху раннего средневековья была страной, населенной исключительно славянами… В эту компактную славянскую массу вклинились с запада немцы, а с востока - мадьяры...

Так возникла немецкая Австрия… Немцы, которые вклинились между славянскими варварами в эрцгерцогстве Австрии и Штирии, соединились с мадьярами, которые таким же образом вклинились между славянскими варварами на Лейте. Подобно тому, как на юге и на севере… немецкое дворянство господствовало над славянскими племенами, германизировало их и таким образом втягивало их в европейское движение, - так и мадьярское дворянство господствовало над славянскими племенами на юге и на севере…”.

Как видим, Энгельс совершенно ясно описал характер национальных отношений немцев и венгров со славянами, хотя и назвал захват славянских земель и “этническую чистку” уклончивым словом “вклинились” (“немцы вклинились между славянскими варварами”).

Как же развивались эти отношения при господстве немцев и мадьяр над варварами? В связи с конкретным случаем Австрии Энгельс задает целую концепцию на тему “революция и народы”. Он пишет: “Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса,

С.Г.Кара-Мурза. Основания марксизма: этничность в тени классовой теории (Продолжение. Начало на стр. 13)

активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это – немцы, поляки и мадьяры. Поэтому они теперь революционны.

Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны".

Таким образом, из представленной Энгельсом модели следует, что революция есть прерогатива не столько пролетариата, сколько наций - носительниц прогресса. Не немецкие или польские рабочие революционны, а немцы и поляки (Польша в то время, кстати, была шляхетской, и о наличии в ней революционного пролетариата говорить не приходится). Второй важный тезис Энгельса состоит в том, что большинство народов к носителям прогресса не принадлежит.

И отсюда - важнейший вывод об исторической миссии революции, которая в советском истмате была замаскирована классовой риторикой. Мировая революция призвана не только открыть путь к более прогрессивной общественно-экономической формации (привести производственные отношения в соответствие с производительными силами). Она должна погубить все «остальные» (не принадлежащие к числу прогрессивных) народы и народности, большие и малые. Вчитаемся в этот прогноз основателей марксизма: «Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции».

В виду такой перспективы эти народы, естественно, становятся не просто пассивными в отношении истории, они, в соответствии с концепцией Энгельса, просто вынуждены быть контрреволюционными. И хотя такое отношение к революции, которая грозит народам гибелью, следовало бы считать вполне оправданным и оно должно было бы вызывать у гуманистов сочувствие, Энгельс подобный сентиментализм отвергает.

Он пишет в другой статье («Демократический панславизм»): «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [2, с. 306].

Реакционные народы и проблема гуманизма в марксизме

Некоторые считают, что в этих статьях выразилась русофобия Энгельса. Да, выразилась, но это вещь второстепенная по сравнению с фундаментальными абстрактными постулатами, которые здесь просто иллюстрируются конкретными случаями взаимоотношений конкретных народов - славян, венгров, немцев. Да и не только о славянах говорит Энгельс как о реакционных народах. О революции 1948 г. в Австрии он пишет: «Борющиеся разделились на два больших лагеря: на стороне революции оказались немцы, поляки и мадьяры; на стороне контрреволюции остальные, т.е. все славяне, кроме поляков, румыны и трансильванские саксы» [1, с. 178]. Или, в другом месте: «В вене хорваты, пандуры, чехи, сережаны и прочий сброд задушили германскую свободу» [3]. Иными словами, ослабление государственной власти в момент революции дало возможность выступить всем угнетенным народам против своих угнетателей - немецких, польских и венгерских помещиков. Никаких симпатий это выступление против угнетателей у Энгельса не вызвало. Наоборот, он требует ответных кар и репрессий, совершенно непропорциональных тому ущербу, который угнетенные народы нанесли своим угнетателям.

Что значит «решительный терроризм против славянских народов» (причем терроризм со стороны социалистов-демократов)? Вот как предвидит Энгельс развитие событий в том случае, если «на один момент славянская контрреволюция нахлынет на австрийскую монархию»:

«При первом же победоносном восстании французского пролетариата, которое всеми силами старается вызвать Луи-Наполеон, австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавой местью отплатят славянским народам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций.

В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом» [1, с. 186] .

Как соотносятся у Энгельса понятия «реакционных классов» и «реакционных народов», мы рассмотрим ниже. А сейчас можно сделать промежуточный вывод. Он заключается в том, что в шкале ценностей, на которой стоит обществоведение Маркса и Энгельса, ценности свободы и справедливости вовсе не занимают высшей позиции, как было принято считать в советской трактовке марксизма. Гораздо выше них находится прогресс, понимаемый как приращение благосостояния Запада. Страдания угнетенных народов (можно сказать, эксплуатируемых трудящихся) являются для Энгельса несущественным фактором, если угнетатели и эксплуататоры принадлежат к нациям - носителям прогресса.

Цель исторического развития, которому служат эти избранные нации, оправдывает средства. Энгельс пишет: «Конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается, и если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались таким же мягкосердечием, к которому ныне апеллируют панслависты в интересах своих ослабевших клиентов, что стало бы тогда с историей!» [2, с. 298].

Чтобы наглядно объяснить свою позицию по отношению к славянским народам, Энгельс проводит аналогию с явлением, которое ему кажется очевидно справедливым и прогрессивным – захватнической войной США против Мексики с отторжением ее самых богатых территорий. Он даже мысли не допускает, что кто-то может бросить упрек США за эту войну. Вот это рассуждение: «И бросит ли Бакунин американцам упрек в «завоевательной войне», которая, хотя и наносит сильный удар его теории, опирающейся на «справедливость и человечность», велась, тем не менее, исключительно в интересах цивилизации? И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с ней сделать? И что плохого, если энергичные янки быстрой разработкой тамошних золотых россыпей умножат средства обращения, в короткое время сконцентрируют в наиболее подходящих местах тихоокеанского побережья густое население, создадут большие города…? Конечно, «независимость» некоторого числа калифорнийских и техасских испанцев может при этом пострадать; «справедливость» и другие моральные принципы, может быть, кое-где будут нарушены; но какое значение имеет это по сравнению с такими всемирно-историческими фактами?» [1, с 292-293].

Видение реальной истории, в отличие от футурологических рассуждений о грядущей, как Второе пришествие, всемирной пролетарской революции, в гораздо меньшей степени опирается у Энгельса на представления классовой (шире - социальной) борьбы как отражения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В критические моменты эти представления отодвигаются в сторону, и история предстает как борьба народов. В этой картине нет и следа объективности, гуманизма и даже универсализма. Интересы Запада превыше всего (термин «прогрессивные нации» - лишь эвфемизм, прикрытие).

Шовинизм и биологизация общества

Энгельс выступает как идеолог колониальной политики буржуазии западных держав - как в самой Европе, так и за ее пределами. И вовсе не классовыми интересами немецкого пролетариата обосновывает он свою поддержку угнетению славян и лишению их политических прав, а национальными интересами немцев. Право «жизнеспособной» нации на угнетение более слабых народов кажется Энгельсу настолько очевидным, что он даже переходит на иронический тон:

«Поистине, положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых «прав»! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемско-моравское государство; Австрия и Штирия были бы отрезаны «южнославянской республикой» от своего естественного выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обглоданный крысами хлеб! И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность, более или менее сносное земледелие и культуру!» [2, с. 206].

Примитивный евроцентризм и шовинизм, которым проникнуты эти рассуждения, удивительны для середины XIX века. И Чехия, и южные славяне уже в Средние века обладали «сносным земледелием», так что поставки зерна из славянских областей (оплаченные поступавшим из Америки серебром) в XVIII в. во многом способствовали развитию промышленности на Западе. С другой стороны, именно вторжение западного финансового капитала в эти славянские области задержало их промышленное развитие. Ф.Бродель пишет: «В марксистской историографии был составлен подробный отчет о преступлениях торгового капитализма Нюрнберга в Чехии, Саксонии и Силезии; на него возлагают ответственность за экономическое и социальное отставание этих областей, отрезанных от всего мира и имевших к нему доступ только через недобросовестных посредников. Такие же обвинения можно выдвинуть в отношении генуэзцев в Испании: они помешали развитию местного капитализма» [13].

Отбрасывая классовую риторику и представляя историю как «борьбу народов», Энгельс прибегает к биологизации общественных отношений, предвосхищая идеологию социал-дарвинизма. Для характеристики народов и разделения их на «высших» и «низших», он вводит натуралистическое понятие жизнеспособности. Как богатство в учении о предопределенности является симптомом избранности, так и в концепции Энгельса «жизнеспособность» служит признаком прогрессивности нации и подтверждает ее права на угнетение и экспроприацию «нежизнеспособных». Стоит заметить, что понятие жизнеспособности как критерий для наделения народов правами Энгельс употреблял до конца жизни.

Каковы же показатели жизнеспособности? Прежде всего, для Энгельса, это способность угнетать другие народы и «революционность» (имеются в виду «прогрессивные революции»). Вот как иллюстрирует Энгельс эти показатели: «Если восемь миллионов славян в продолжение восьми веков вынуждены были терпеть ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр, то одно это достаточно показывает, кто был более жизнеспособным и энергичным - многочисленные славяне или немногочисленные мадьяры!» [2 с. 297]. Здесь критерием служит сам факт угнетения. Жизнеспособен именно угнетатель - значит, он и прогрессивен, он и выиграет от мировой революции .

Как ни парадоксально, для Энгельса «жизнеспособен» даже такой прогрессивный народ, который ради свободы и прогресса готов отказаться от своей национальной идентичности. В чем же проявится жизнь народа, если он действительно завоюет свободу такой ценой? Энгельс пишет: «Поляки обнаружили большое политическое понимание и истинно революционный дух, выступив теперь против панславистской контрреволюции в союзе со своими старыми врагами - немцами и мадьярами. Славянский народ, которому свобода дороже славянства, уже одним этим доказывает свою жизнеспособность, тем самым уже гарантирует себе будущее» [1, с. 179].

Рассуждение это слабое. Европейские бури вроде революции 1848 г. - катаклизмы не такого масштаба, чтобы стирать с земли народы. Мерилом жизнеспособности они быть не могут, и лишиться своего «славянства» поляки не рисковали. «Большого политического понимания» шляхетская Польша никогда не обнаруживала и постоянно ввязывалась в авантюры, в которых несла потери. Вылезала она из них потому, что в этих авантюрах всегда старалась услужить какой-то западной партии, и даже если та терпела неудачу, Польшу не разоряли слишком сильно, оставляя как материал для следующих авантюр. В данном случае она взяла сторону «своих старых врагов - немцев и мадьяр», и Энгельс ее хвалит просто как изменника ненавистного славянства, в своем преувеличенном страхе перед «панславистской контрреволюцией».

Мы удивляемся: как могли западные социал-демократы в начале XX века принять расизм империалистов. Вот слова лидера Второго Интернационала, идеолога социал-демократов Бернштейна: «Народы, враждебные цивилизации и неспособные подняться на высшие уровни культуры, не имеют никакого права рассчитывать на наши симпатии, когда они восстают против цивилизации. Мы не перестанем критиковать некоторые методы, посредством которых закабаляют дикарей, но не ставим под сомнение и не возражаем против их подчинения и против господства над ними прав цивилизации... Свобода какой либо незначительной нации вне Европы или в центральной Европе не может быть поставлена на одну доску с развитием больших и цивилизованных народов

С.Г.Кара-Мурза. Основания марксизма: этничность в тени классовой теории (Продолжение. Начало на стр. 14)

Европы» [14].

Но ведь Бернштейн почти слово в слово повторяет утверждения Энгельса.

Тезис о «прогрессивности» поляков как политическое средство

В этом рассуждении Энгельс совсем отбрасывает принцип беспристрастности и выступает с позиции политической выгоды. Перед этим он писал, что немцы и мадьяры угнетали «славянские племена» (чехов, хорватов, сербов и др.), а те покорно терпели. Теперь славяне выступили против своих угнетателей - именно за свою свободу, чтобы сбросить «ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр». Энгельс этого и не отрицает: «Южные славяне, уже тысячу лет тому назад взятые на буксир немцами и мадьярами,.. поднялись в 1848 году на борьбу за восстановление своей национальной независимости» (правда, якобы с гнусной побочной целью - чтобы «одновременно подавить немецко-венгерскую революцию») [1, с. 184]. Тут бы и похвалить их за проявление жизнеспособности и дух свободы. Нет, в их стороны сыплются проклятья. Значит, дело не в свободе, а в том, на чьей ты стороне в данном конфликте. Славяне здесь - против Запада, в этом все и дело.

Здесь стоит сделать маленькое методологическое замечание. Трактовать обобщающие постулаты Энгельса надо очень осторожно. В разном контексте смысл их может меняться на противоположный - без всяких предупреждений. Вот, он заявляет, например: «Устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития» [7]. Казалось бы, формула имеет общее значение. Но нет, она относится только к Польше - в поддержку борьбы польских социалистов против России. Точнее, он оговаривается, что «две нации в Европе не только имеют право, но и обязаны быть национальными, прежде чем они станут интернациональными: это - ирландцы и поляки». В другом месте, в 1847 г., Энгельс, стоя рядом с Марксом, говорит знаменитую фразу: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации». Формула также предельно обобщенная (хотя и высказана в контексте польского вопроса). Казалось бы, через год он должен был бы напомнить эту формулу немецким и мадьярским борцам за свободу и призвать их к национальному освобождению славян. Как мы видели выше, ничего подобного не произошло - он призвал их к кровавому терроризму против славян.

Надо сделать еще и такое замечание. Понимание трудов классиков марксизма сопряжено с особой методологической сложностью. Переплетение в этих трудах обществоведения с идеологией во многих случаях приводит к тому, что конъюнктурная «революционная целесообразность» заставляет авторов говорить нечто совершенно противоположное тому, что они знают как обществоведы. Читателю трудно определить, какое утверждение надо принимать всерьез, а какое вызвано требованиями момента и верить ему не следует. Это свойство текстов марксизма в последующем позволяло идеологам манипулировать ими, обосновывая свои «требования момента» цитатами из классиков.

И в момент революции 1848 г., и позже, в 1863 г., Маркс и Энгельс представляли поляков как нацию - носительницу прогресса, которая ведет героическую борьбу против России как оплота реакции. Выше приведены красноречивые высказывания Энгельса в январе 1849 г. В феврале того же года он писал, что «польская дворянская республика была колоссальным шагом вперед по сравнению с русским самодержавием» [9, с. 325].

В личной же переписке полякам и России даются совсем другие оценки. Вот письмо Энгельса Марксу от 23 мая 1851 г. Его упоминает Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» (февраль-май 1914 г.), в которой он отказывается от установок западных марксистов по национальному вопросу. Он упоминает его вскользь, не идя на прямую полемику с классиками. Судя по всему контексту, речь в письме идет об обустройстве Европы после победы всемирной пролетарской революции, которая должна была произойти со дня на день. Приведем здесь более широкие выдержки из этого письма:

«Чем больше я размышляю над историей, тем яснее мне становится, что поляки - une nation foutue [пропащая нация, обреченная нация], которая нужна, как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши теряет всякий смысл. Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме смелых драчливых глупостей. И нельзя указать ни одного момента, когда бы Польша, даже только по сравнению с Россией, с успехом представляла бы прогресс или совершила что-либо, имеющее историческое значение. Наоборот, Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленного развития, чем, по самой природе своей шляхетски-сонная, Польша... Поляки никогда не умели ассимилировать чужеродные элементы. Немцы в [польских] городах остались и остаются немцами. Между тем каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет русифицировать немцев и евреев. Даже у евреев вырастают там славянские скулы...

Вывод: взять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, особенно Познань, под предлогом защиты, предоставить им хозяйничать, посылать их в огонь, пожирать их продукты, кормить их обещаниями Риги и Одессы, а в случае, если бы удалось вовлечь в движение русских, соединиться с ними и вынудить поляков к уступкам».

Скорее всего, истинные взгляды Энгельса на Польшу выражены в этом письме, а не в газетной статье.

Классовый или цивилизационный подход?

В 1882 г. Энгельс все еще считал славян смертельным врагом Запада и откровенничал Каутскому: «Вы могли бы спросить меня, неужели я не питаю никакой симпатии к малым славянским народам и обломкам народов, разделенным тремя клиньями, вбитыми в славянство: немецким, мадьярским и турецким? В самом деле - чертовски мало» [7].

Он, правда, обещает, что после крушения царизма славянам дадут попробовать свободы, но при этом «убежден, что для большинства австро-венгерских славян достаточно будет шести месяцев независимости, чтобы они стали умолять принять их обратно».

Энгельс постоянно подчеркивает не классовый, а цивилизационный характер столкновения 1848 г.: реакционный Восток, как и во время арабского, монгольского и турецкого нашествий, поднялся против прогрессивного Запада («... против всего европейского развития. А там, где речь шла о спасении последнего, какую роль могли играть несколько таких давно распавшихся и обессиленных национальностей, как австрийские славяне..?»).

При этом даже подчеркивается, что речь идет не о классовой борьбе, а о войне народов. Вот, например, Энгельс пишет уже в июне 1849 г.: «Европейская война, народная война, стучится в дверь. Через несколько недель, быть может уже через несколько дней, армии республиканского Запада и порабощенного Востока столкнутся друг с другом на немецкой земле в решающем бою» [5].

Мы видим здесь, что под «народной войной» имеется в виду война народов Запада как цивилизации - против востока. Энгельс отмечает даже, что в этой войне национальные интересы отдельных народов Запада несущественны по сравнению с судьбой Запада как целого, поминать классовые интерес было бы вообще неуместно. Он пишет: «О немецких интересах, о немецкой свободе, немецком единстве, немецком благосостоянии не может быть и речи, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей Европы. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует только один вопрос! Хотите ли вы быть свободными или хотите быть под пятой России?» [5]. Какая уж тут классовая борьба, когда даже о нации как целом не может быть и речи, когда «существует только один вопрос» - интерес Запада как целого (понятно, что чехи, хорваты и т.п. реакционные народы в «Запад» не включаются, так что «Европа» и «Запад» являются у Энгельса понятиями не географическими, а именно цивилизационными).

Вот как он обобщает смысл борьбы славян, проводя аналогию с шотландцами в Англии, бретонцами во Франции и басками в Испании: «Нет ни одной страны в Европе, где в каком-нибудь уголке нельзя было бы найти один или несколько обломков народов, остатков прежнего населения, оттесненных и покоренных нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты своих национальных особенностей, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции...

Таковы в Австрии панславистские южные славяне; это только обломки народов, продукт в высшей степени запутанного тысячелетнего развития. Вполне естественно, что эти... обломки народов видят свое спасение только в регрессе всего европейского движения, которое они хотели бы направить не с запада на восток, а с востока на запад, и что орудием освобождения и объединяющей связью является для них русский кнут» [1, с. 183].

Надо заметить, что в представлении Энгельса славяне - это расползшаяся по Европе «империя зла», как коммунизм для Рейгана или А.Н.Яковлева. Энгельс приписывает им совершенно дьявольские замыслы: «Славяне, оттесненные к востоку немцами, покоренные частично немцами, турками и венграми, незаметно вновь объединяя после 1815 г. отдельные свои ветви.., впервые заявляют теперь о своем единстве и тем самым объявляют смертельную войну романо-кельтским и германским народам, которые до сих пор господствовали в Европе. Панславизм - это не только движение за национальную независимость; это - движение, которое стремится свести на нет то, что было создано историей за тысячелетие; движение, которое не может достигнуть своей цели, не стерев с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии, а добившись этого результата, не сможет обеспечить своего будущего иначе, как путем покорения Европы... Он ставит Европу перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы - России» [6] .

А мы еще удивляемся жестокости Германии в войне против СССР или бомбардировкам Сербии, которая замешкалась в припадании к сапогу Запада.

Как понимать «пролетарский интернационализм»?

Как же вяжется со всем этим призыв Коммунистического Манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Ведь Манифест был написан более чем за год до цитированных выше статей Энгельса 1949 г. Этот призыв вяжется с установками Энгельса только если признать, что он обращен лишь к пролетариям тех прогрессивных стран (наций), которые в классификации Энгельса имеют право на жизнь (сейчас сказали бы «золотой миллиард»). В письме Каутскому (7 февраля 1882 г.) Энгельс поясняет: «Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций... Интернациональное сотрудничество возможно только между равными» [7].

И когда произойдет очищающая революция «пролетариев всех этих стран», именно этому прогрессивному пролетариату выпадет честь «кровавой местью отплатить славянским народам» и стереть с лица земли «целые реакционные народы». Тут уж разбираться не будут, кто пролетарий, а кто крестьянин или купец - клеймо ставится на народе в целом. Энгельс пишет: «В то время как французы, немцы, итальянцы, поляки, мадьяры подняли знамя революции, славяне, как один человек, выступили под знаменем контрреволюции. Впереди шли южные славяне, которые давно уже отстаивали свои контрреволюционные сепаратистские поползновения против мадьяр; далее чехи, а за ними русские, вооруженные и готовые появиться в решительный момент на поле сражения» [2, с. 301].

Конечно, подход марксизма сбивает с толку из-за крайней жесткости утверждений и частому переходу от одной модели к другой без всякого предупреждения. Ведь буквально в одно и то же время с этими статьями Энгельса выходят труды, где утверждается, что вся человеческая история – это борьба классов. Это утверждение абсолютно несовместимо с концепцией революционных и контрреволюционных наций, с приведенными выше формулировками («славяне, как один человек, выступили под знаменем контрреволюции»). Концепция, связывающая прогрессивность или реакционность с этнической принадлежностью, дается в самых разных вариациях, иногда в крайних выражениях. Вот, например, в такой форме: «Потому, что слова «поляк» и «революционер» стали синонимами, полякам обеспечены симпатии всей Европы и восстановление их национальности, в то время как чехам, хорватам и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них» [2, с. 303].

Здесь примечательна прозорливая мысль, что Запад в качестве награды или наказания народам способен восстановить их национальность - или лишить их национальности («демонтировать» неугодный ему народ, совершить в каком-то виде национальный геноцид).

Критерии отбора народов, достойных существования

Какие же народы, по мнению основоположников марксизма, имели право на продолжение своего существования в будущем? Каким народам не «предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции»?

В 1865 г., предлагая Лондонской конференции набросок программы для Женевского конгресса Интернационала (Международного Товарищества рабочих), Маркс во всем разделе «III. Международная политика» оставил всего один вопрос: «О необходимости уничтожения московитского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановление Польши на демократических и социальных основах» [Соч., т. 301, с. 409]. Таким образом, право наций на самоопределение - только для Польши, и не ради нее, а как средство «уничтожения московитского влияния в Европе» (как красноречиво это словечко - «московитское»). В повестку дня Конгресса это предложение вошло как пункт 9: «Московитская угроза Европе и восстановление независимой и единой Польши».

Через год, в 1866 г., Энгельс разъясняет принципиальную установку Интернационала в этом вопросе - право на независимую государственность должны иметь только большие (по выражению Гегеля, «исторические») народы Европы. Энгельс говорит о «старом положении демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование». Заметим мельком, что речь постоянно идет о европейских нациях.

Энгельс пишет серию из трех статей в английскую газету «Commonwealth», в первой из которых объявляет, что излагаемые им принципы (программа внешней политики рабочих Западной и Центральной Европы) поддержаны всеми группами Интернационала кроме прудонистов, которые отвергали антироссийскую направленность этой программы («глядели на дело глазами Герцена»).

Энгельс пишет: «Право больших национальных образований Европы на политическую независимость, признанное европейской демократией, не могло, конечно, не получить такого же признания в особенности со стороны рабочего класса. Это было на деле не что иное, как признание за другими большими, несомненно жизнеспособными нациями тех же прав на самостоятельное национальное существование, каких рабочие в каждой отдельной стране требовали для самих себя. Но это признание и сочувствие национальным стремлениям относилось только к большим и четко определенным историческим нациям Европы; это были Италия, Польша, Германия, Венгрия... Что же касается России, то ее можно упомянуть лишь как владелицу громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать назад в день расплаты» [8].

Ранее Энгельс на примере чехов и словаков объяснял, кто после мировой революции будет лишен права на национальное существование. Он писал: «Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность.

Именно такова была судьба австрийских славян. Чехи, к которым мы причисляем также моравов и словаков.., никогда не имели своей истории... И эта «нация», исторически совершенно не существующая, заявляет притязания на независимость?» [2, с. 294].

Идея, что в ходе мировой пролетарской революции для дальнейшего национального существования будут «отобраны» лишь большие «исторические» нации, а народы сгорят в огне прогресса, поглощенные этими нациями, является принципиальной установкой классического марксизма. Уже в «Манифесте» она высказана вполне ясно: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение» [выделено мною - С.К-М].

Это утверждение сопровождается туманным предсказанием, расшифровка которого мне не встречалась: «Рабочие не имеют отечества... Пролетариат должен прежде всего... конституироваться как нация». Возможно, этот тезис содержит смутную гипотезу, которая не была развита в дальнейшем - о взаимосвязи класса и нации как двух систем, способных к структурному преобразованию одна в другую. Для такого преобразования, видимо, нужна ликвидация всей сложной социальной структуры общества с исчезновением «непролетарских» сословий. Понятно, что при такой трансформации народы должны исчезнуть, но непонятно, как сохранятся «национальная обособленность и противоположности» исторических наций, каков будет социальный носитель их идентичности.

Что такое «народ»?

Здесь уместно еще одно методологическое замечание. Чтение текстов Маркса и Энгельса сильно затруднено тем, что они нередко обозначали одним и тем же привычным словом разные, необъясненные сущности. Постичь их могли лишь немногие посвященные, которые и ведут между собой уже более полутора веков споры об этих сущностях. Как человек не может понять без помощи юриста изощренные законы современного общества, так и канонические тексты марксизма нельзя понять без профессоров, обученных герменевтике - науке толкования текстов. Те, кто понимали тексты Маркса и Энгельса буквально, по многим вопросам были введены в заблуждение, которое иногда стоило им очень дорого.

Представления Энгельса о народах является достаточно ясным, когда он говорит о славянах. Он даже сильно огрубляет образ этой сущности («славяне как один человек»). Герменевтика нужна, чтобы понять его суждения о немцах и мадьярах и вообще о революционных нациях. Он пишет: «Революция 1848 года заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, совершили революцию» [2, с. 301].

Как это можно понять? Ведь революция 1848 года - это открытое столкновение внутри «исторических» наций Европы. Народ что-то может совершить «как один человек» (хотя и это гипербола) лишь на национальной основе, но каким образом немцы могут стать революционным народом в Германии? Понять это можно только приняв, что, в концепции Энгельса, та часть немцев, которая выступила против революции и подавила ее, перестает быть частью народа (и к этой части принадлежит, видимо, большинство немцев). Об этой части Энгельс не говорит вообще ничего, это уже не немцы, а лишенная национальности безликая сила, которая организована как иной народ, не имеющий названия. Так же и мадьяры. Они все как один - революционный народ. Значит, та часть

С.Г.Кара-Мурза. Основания марксизма: этничность в тени классовой теории (Продолжение. Начало на стр. 15)

помещиков и «аристократических офицеров», которые «дезертировали», из числа мадьяр как народа Энгельсом исключаются.

Вот глава 18 («Мелкая буржуазия») из работы Энгельса “Революция и контрреволюция в Германии”, опубликованная в марте 1852 г. [15]. Из следующих высказываний можно судить о том, какая доля немцев примкнула к революции и можно ли на основании этого считать немцев революционной нацией. «В мае восстание вспыхнуло, в середине июля 1849 года оно было полностью подавлено. Первая германская революция закончилась… В Дрездене уличная борьба продолжалась четыре дня… В Рейнской Пруссии дело дошло лишь до незначительных схваток… Как только было сосредоточено достаточное количество войск, вооружённому сопротивлению был положен конец». Самый широкий масштаб восстание приобрело в Пфальце и Бадене. Положение Энгельс характеризует так: «Армия [повстанцев] была дезорганизована… и стояла перед вчетверо превосходящими её силами противника».

Из дальнейшего можно сделать вывод, что в поражении виновата мелкая буржуазия (судя по всему, составлявшая большинство немцев поскольку к ней причислялись крестьяне и ремесленники). Энгельс пишет (явно вступая в противоречие с описанием повстанцев и армии): «Во всех государствах Германии не только народ, но и войска решительно склонялись на сторону восстания и ждали только удобного случая, чтобы открыто присоединиться к нему. И всё же движение, попав в руки мелкой буржуазии, с самого начала было обречено на гибель… Мелкая буржуазия… жадно спешила захватить власть, как только восстание - совершенно вопреки её желанию - вспыхнуло; но этой властью она пользовалась только для того, чтобы свести к нулю успехи восстания. Повсюду, где вооружённое столкновение приводило к серьёзному кризису, мелких буржуа охватывал величайший ужас перед создавшимся для них опасным положением: ужас перед народом, который всерьёз принял их хвастливый призыв к оружию».

Структурируем социологическую картину, которую описал Энгельс. Он выделяет три силы: восставший народ, мелкую буржуазию (которая народу противостоит и его боится, хотя составляет большинство населения) и армию (численность которой многократно превышает число повстанцев). Из этого можно сделать вывод, что восставший народ представляет собой очень небольшое меньшинство немцев, а подавляющее большинство этому народу тем или иным способом противодействовало. Таким образом, Энгельс, исходя из своих чисто политических пристрастий, возводит в ранг народа небольшую его часть и лишает статуса «частиц народа» большинство немцев. И даже при таком соотношении называет немцев революционной нацией.

Такое понимание народа как «сущности», совершенно отличное от традиционного, идет, видимо, от Великой французской революции, в ходе которой к народу были причислены лишь граждане - те, кто революцию поддержал. Остальные были исключены из народа, сохранив лишь свою категорию подданных. Например, реакционные крестьяне в народ Франции не включались.

Таким образом, когда речь идет не о воображаемой «мировой пролетарской революции», а о единственной вполне реальной революции 1848 г., то ее приходится трактовать не как войну классов, а как войну народов. В большой работе Маркса «Буржуазия и контрреволюция» о революции 1848 г. в Германии [12] ключевым словом также является народ. Трусливая немецкая буржуазия не возглавила народ, но народ толкал ее вперед. А она предала народ и пошла на соглашение с правительством. За скобками остается та часть немцев, которая не поддержала революцию и оказала ей активное или пассивное сопротивление, в результате чего революция и была подавлена. Эта часть немцев, в представлении Маркса, в «народ» не входит. Но себя-то она наверняка считает народом! Строго следуя Марксу, надо было бы сказать, что в момент революции происходит расщепление прежнего народа, в котором назрело противоречие, на два новых народа.

Для нас здесь важен тот факт, что при анализе реальных общественных конфликтов в реальных времени и пространстве Маркс и Энгельс отходят от классовой теории исторического материализма и используют представление этничности - народ. Это представление оказывается более адекватным реальному процессу, а понятия классовой теории в реальном времени и пространстве оказываются беспомощными (а если их применять на практике, то разрушительными).

Эту важную методологическую проблему в преподавании марксизма в СССР никогда не поднимали и не объясняли. Поэтому подавляющее большинство населения СССР было не готово к перестройке и реформе 90-х годов, когда бывших граждан стали сортировать и переводить в «низший разряд» - тех, кто не включался в новый (прогрессивный и революционный) народ, владеющий политическими правами и собственностью.

Реакционные нации и прогрессивный пролетариат

Вводя в свое обществоведение понятие прогрессивных и реакционных наций, основатели марксизма, казалось бы, вступали в неразрешимое противоречие с классовой теорией. Ведь в середине XIX века, после выхода в свет Манифеста коммунистической партии, следовало бы говорить о прогрессивности и реакционности классов, а не народов. Реакционной перед нами должна была предстать немецкая, польская и венгерская буржуазия и помещики, а прогрессивными - чешские и хорватские пролетарии. Если получилось не так, то следовало бы по крайней мере объяснить, почему классовая теория во время революции 1848 г. дала сбой.

Противоречие было настолько очевидным, что корреспондент кёльнской газеты написал: «Так называемая демократическая печать Германии стала в австро-венгерском конфликте на сторону мадьяр... Как странно, однако! Немецкие демократы на стороне той аристократической касты, для которой, несмотря на XIX век, ее собственный народ всегда был misera contribuens plebs [жалкий народ, платящий налоги]; немецкие демократы на стороне самых наглых угнетателей народа!»

Ответ Энгельса [9], из которого и взята цитата, груб и язвителен, но убедительным его назвать нельзя. Все доводы сводятся к следующим: 1) Среди депутатов, собравшихся у Кошута, всего 11 магнатов, а магнат Эстергази вообще дезертировал. И мадьярские офицеры из аристократов нередко предают дело революции. 2) «Большинство венгерских дворян, как и большинство польских дворян, - сущие пролетарии, все дворянские привилегии которых сводятся к тому, что их нельзя подвергать телесному наказанию». 3) «Допустим, что мартовская революция в Венгрии была чисто дворянской революцией. Разве это дает австрийской монархии право угнетать венгерское дворянство, а тем самым и венгерских крестьян так, как она угнетала галицийских дворян, а при их помощи и галицийских крестьян».

Первый довод в социологическом плане негоден. Из того, что самый богатый магнат уехал, а среди депутатов магнатов немного, ничего не следует, мера использована негодная и довода оппонента не опровергает. Собственно, Энгельс и не пытается опровергнуть этого довода. Второй довод настолько парадоксален, что его можно считать попыткой ответить оппоненту шуткой. Помещики – это те же пролетарии! Ничего себе, классовый анализ.

Третий довод мне кажется не просто нелогичным, но и странным. Выходит, славян Галиции (русинов) австрийская монархия имела право угнетать, но такого же угнетения мадьяр немецкие демократы вытерпеть не могут! Хотя, угнетение славян по характеру было совсем иным, гораздо более жестким. Но главное, Энгельс просто ушел от разговора в терминах классового подхода, который ему предложил реакционный хорватский журналист.

Что-то похожее на классовый анализ Энгельс дает в своей большой работе [1]. Но и здесь он сводится к обычным евроцентристским штампам. Энгельс выдвигает два очень туманных тезиса - о прогрессивном характере буржуазии и реакционном характере крестьян, «зараженных религиозным и национальным фанатизмом».

Он пишет: «Движущий класс, носительница движения, буржуазия была повсюду немецкой или мадьярской. У славян с трудом создается своя национальная буржуазия, а у южных славян это имело место только в отдельных случаях. А вместе с буржуазией в руках немцев и мадьяр находилась промышленность, находился капитал, развивалась немецкая культура, и в интеллектуальном отношении славяне тоже подчинялись немцам, вплоть до Хорватии. То же самое произошло - только позднее и потому в более слабой степени - в Венгрии, где мадьяры вместе с немцами стали во главе интеллектуального и торгового развития».

О рабочем классе не сказано ни слова, а о славянах, которые в подавляющем большинстве были крестьянами, сказано: «Так как движение крестьян, которые повсюду являются носителями национальной и местной ограниченности, необходимо принимает местный и национальный характер, то вместе с ним опять возникла старая борьба между нациями» [1]. Вот так доктрина прогрессивных и реакционных народов увязана с классовой теорией.

Когда Энгельс пишет о славянах как реакционных народах, он в ряде мест делает оговорку, которая может создать впечатление, будто он допускает их превращение в «исторические» нации, достойные того, чтобы в будущем заслужить право на национальное существование. Эта оговорка касается участия народов в революции. Энгельс пишет: «Революция 1848 года заставила все европейские народы высказаться за или против нее... Вопрос был в том, какая нация возьмет на себя здесь революционную инициативу, какая нация разовьет наибольшую революционную энергию и тем обеспечит свое будущее. Славяне остались безгласными, немцы и мадьяры, верные своей прежней исторической роли, стали во главе движения. И тем самым славяне были окончательно брошены в объятия контрреволюции» [2, с. 301-302].

Как мы видим, Энгельс считает, что любой европейский народ, чтобы обеспечить свое будущее, был обязан «развить наибольшую революционную энергию». Слово «наибольшую» тут, конечно, не годится, ибо в таком случае билет в будущее получил бы всего-навсего один народ. Смягчим требование - будущее будет обеспечено всем народам, принявшим активное участие в революции на стороне революционеров. Понятно, что сам Энгельс не является вершителем судеб народов, и это надо понимать не как предписание, а как прогноз, вытекающий из обществоведческого анализа, проведенного по методологии марксизма. Прогноз этот, как известно, не сбылся даже в малой степени. Значит, в чем-то важном, методология анализа Энгельса неверна. Где же рефлексия, где поиск источника ошибки?

Нет рефлексии, нет поиска, и причина, на мой взгляд, проста - нет тут никакой методологии и никакого анализа. Есть жесткая идеологическая установка, которая отвергает нормы научного метода (хотя бы беспристрастности). Прогноз Энгельса совершенно неправдоподобен, он противоречит здравому смыслу и логике. Почему сербы и русины, которых угнетали венгерские и польские помещики, должны были в момент революционного хаоса броситься на помощь своим угнетателям и воевать против русской армии, в которой они видели братскую силу? Если бы это случилось, как раз тогда и можно было бы усомниться в жизнеспособности славян.

В оговорке Энгельса, сулившего славянам индульгенцию в случае обретения ими революционности, есть еще одна важная ловушка (или нарушение логики). Ведь Маркс и Энгельс вовсе не считают, что революционная борьба реакционных наций и классов прогрессивны. Напротив, они реакционны, потому что имеют целью остановить колесо прогресса, которое должно их раздавить и стереть с лица земли.

В “Манифесте Коммунистической партии” сказано: “Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс… Ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории” [10]. Славяне, которые «остались безгласными» в революции 1848 г., в подавляющем большинстве были крестьянами. Если бы они присоединились к революционному пролетариату и стали бить своих угнетателей, то их борьба придала бы событиям реакционный характер. Ведь они боролись бы именно «чтобы спасти свое существование от гибели», а это, по мнению классиков марксизма, цель реакционная.

Даже в 1975 г. Энгельс считает, что революция в России имела бы реакционный характер. Он пишет, отвечая народнику П.Ткачеву: “Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии”. Эту мысль Энгельс с иронией поясняет таким образом: “У дикарей и полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти” [11].

Получается, что народ, попавший в зависимость от иностранного капитала и уже не имеющий возможности развить «собственный» капитализм и национальную буржуазию, априори объявляется реакционным и лишенным будущего, поскольку теряет даже право на борьбу - ведь достаточной для революции «степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии”, а своей буржуазии у народа (как это и было у южных славян) нет. Эта парадоксальная, противоречащая и опыту, и здравому смыслу концепция стала у марксистов одной из важных догм и сыграла негативную роль в практической политике (например, в определении позиции меньшевиков в отношении Октябрьской революции в России).

Сдвиг к принципу самоопределения народов в Европе и отношение к нему Энгельса

Как пишет Энгельс, пришедший во Франции к власти в 1851 г., «вынужден был изобрести демократизированное и популярно звучащее название для своей внешней политики». Так возник «принцип национальностей». Суть его, по словам Энгельса, в том, что «каждая национальность должна быть вершителем своей судьбы». Он предупреждает: «Но, заметьте, - теперь уже речь шла не о нациях, а о национальностях». Таким образом, общественное мнение после 1848 г. стало сдвигаться к признанию прав народов (национальностей), и этот сдвиг является демократическим и популярным. Энгельс считает его реакционным, потому что он снижает статус крупных наций: «Европейское значение народа, его жизнеспособность – ничто с точки зрения принципа национальностей; румыны из Валахии, которые никогда не имели ни истории, ни энергии, необходимой для того, чтобы ее создать, значат для него столько же, сколько итальянцы с их двухтысячелетней историей и устойчивой национальной жизнеспособностью… Все это – полнейший абсурд, облеченный в популярную форму для того, чтобы пустить пыль в глаза легковерным людям» [2, с. 160-161].

Но главное, Энгельс уверен, что появление в Европе самой идеи прав народов – результат козней России. Ведь именно исходя из этого принципа вела свою национальную политику Российская империя. А если это исходит из России, тоя является реакционным по определению. Энгельс пишет:

«Принцип национальностей мог быть действительно изобретен только в Восточной Европе, где приливы азиатских нашествий в течение тысячелетия, набегая один за другим, оставили на берегу эти груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полнейшем беспорядке перемешаны тюрки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен. Такова была почва для выработки принципа национальностей, а как Россия его вырабатывала, мы увидим сейчас на примере Польши» [2, с. 162] (9).

Как известно, международное социалистическое и рабочее движение отвергло эту установку Энгельса. В 1896 г. Международный конгресс социалистических рабочих партий и профсоюзов в Лондоне принял постановление, в котором сказано: «Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций». Сказано это вскользь, без разъяснений, как пятая часть длинной фразы, составленной из малосодержательных штампов - но сказано!

Эта часть фразы много значила для российских социал-демократов. И все же разработанная Энгельсом и одобренная Марксом доктрина по национальному вопросу поставила русских марксистов в очень трудное положение в преддверии революции. Здесь возник целый клубок противоречий. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был органично и глубоко принят не только революционными движениями России, но и широкими массами рабочих, а затем и крестьян, но интерпретирован по-своему. Под «пролетариатом» понимался не класс, а именно народ, за исключением очень небольшой, неопределенной группы «буржуев». Классовый марксистский лозунг был в России просто «онаученным» выражением той «всечеловечности», о которой говорил Достоевский как особенности русской культуры. Сама концепция «прогрессивных» и «реакционных» народов, если бы она стала в России широко известна, вызвала бы недоумение и отторжение марксизма. Поэтому данная концепция фактически скрывалась руководством марксистских партий как от партийной массы, так и от интеллигенции в целом (что и было элементом «вульгаризации» марксизма).

Российские социал-демократы уже в 1903 г. включили в свою программу признание права народов на самоопределение (§ 9 Программы), и иначе быть не могло в партии, которая стремилась опереться на поддержку трудящихся масс. Надо заметить, что либералы-западники (партия кадетов) это право не признавали, что и зафиксировали в своих документах. Они ориентировались на буржуазию,

С.Г.Кара-Мурза. Основания марксизма: этничность в тени классовой теории (Продолжение. Начало на стр. 16)

в политической философии которой был силен шовинизм и социал-дарвинизм, оправдывающие эксплуатацию и людей, и народов.

Вторая причина, по которой большевики утверждали «право наций на самоопределение», заключалась как раз в необходимости сохранить единство трудящихся всей Российской империи в революционной борьбе - и на этой основе произвести «пересборку» империи уже в виде будущего Советского Союза. Без признания этого права было бы невозможно, по выражению Ленина, нейтрализовать попытки «националистического мещанства» расколоть трудящихся разных национальностей.

Опыт подтвердил правильность этого анализа. Как только монархия, которая служила буржуазии и помещикам разных национальностей гарантом против революции, пала в феврале 1917 г., эти привилегированные сословия моментально растащили империю, поспешив учредить свои «национальные государства». Попытавшись подавить сепаратизм под флагом «единой и неделимой России», белые, по выражению историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». Красные, напротив, собрали страну «снизу», как многонациональную «республику Советов», которая была выгодна трудящимся, поддержавшим общую Красную армию против своих «элит».

Ленин изложил все эти соображения в большой работе «О праве наций на самоопределение», написанной в феврале-мае 1914 г. [17]. Здесь совершенно ясно сказано, что признание этого права вовсе не поощряет сепаратизм, а делается «именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций.., теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности». В примечании Ленин поясняет:

«Нетрудно понять, что признание марксистами всей России и в первую очередь великороссами права наций на отделение нисколько не исключает агитации против отделения со стороны марксистов той или иной угнетенной нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода» [18, с. 318].

Для нашей темы эта работа Ленина интересна тем, что она наглядно показала, какую сложную задачу представляло собой утверждение права наций на самоопределение без того, чтобы вступить в открытый конфликт с положениями марксизма. Ведь Ленину пришлось доказывать, что это право якобы вытекает из буквы и духа марксизма - при том, что его оппоненты (Роза Люксембург, бундовцы, меньшевики и Троцкий) тут же выложили ему соответствующие труды Маркса и Энгельса. И в этих трудах вопросу была посвящена не часть фразы, а многократные подробные рассуждения (10). Ленин, обладая достаточным авторитетом в партии, просто подавил оппонентов, хотя по сути они были правы - налицо был отход большевиков от марксизма в важном и принципиальном вопросе.

Отход этот давался нелегко, и Ленин прикрывал его несколькими слоями маскировки, например, пространными рассуждениями о русском великодержавном шовинизме, об угнетающих и угнетенных нациях, о крестьянских национальных предрассудках и т.д. Приходилось даже петь дифирамбы революционному духу поляков:

«Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном.., шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской» [17, с. 297] (11).

В примечании к этой высокой оценке шляхетского освободительного движения Ленин похвалил «демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения», и разнес в пух и прах народника «украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии» [там же].

Эти реверансы и уступки были далеко не безобидны - на текстах Ленина учились партийные кадры, особенно уже в стабильный период. Все это вышло из голов партийной элиты КПСС в виде гноя перестройки.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, готовя к изданию Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса, также встал перед сложной задачей - смягчить шокирующий эффект, который могли бы произвести на читателей работы Энгельса по национальному вопросу. Составители и редакторы дали в предисловии к тому 6 пространный комментарий. Он был явно неадекватным, уклонялся от обсуждения главного смысла этих работ и сводил все дело к тому, что Энгельс, конечно, был прав - для уровня знаний того времени, но история пошла не так, как он предполагал. Вот выдержки из этого комментария:

В статьях «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм» Энгельс выступает против националистической идеологии, какую бы форму она ни принимала, - против пангерманизма и панславизма. Однако наряду с правильной исторической оценкой движения ряда славянских народов, входивших в состав Австрии, как движения, противоречившего в то время интересам германской и европейской революции, в статьях Энгельса содержатся некоторые ошибочные положения об исторических судьбах этих народов. Энгельс высказывает взгляд, будто эти народы уже не способны сыграть прогрессивную роль в дальнейшем ходе исторического развития и осуждены якобы на гибель как самостоятельные народы… Ошибочные взгляды Энгельса на историческую роль некоторых славянских народов объясняются также и тем, что в 1848-1849 годах марксистская разработка национального вопроса находилась еще в начальной стадии, и опыт национальных движений малых народов был еще сравнительно невелик» [18].

Оправдание, которое смог найти для Энгельса Институт марксизма-ленинизма, принять невозможно. Речь идет не о «некоторых ошибочных положениях», якобы вызванных новизной темы, а о краеугольных камнях, которые Энгельс закладывает в методологию национального вопроса (например, о категориях прогрессивных и реакционных народов). И «некоторые славянские народы» осуждаются Энгельсом на гибель не под железной пятой слепых объективных законов исторического развития, а на казнь от руки победоносного немецкого пролетариата. Вчитаемся к последнюю фразу статьи «Демократический панславизм»:

«Тогда борьба, «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции!» [2, с. 306].

Можно ли оправдать это лишенное логики тоталитарное утверждение? Почему речь идет о предательстве чужой для славянских крестьян буржуазно-помещичьей революции? Разве славяне присягали ей на верность? Как в революции, так и в борьбе с нею участвовали очень небольшие части населения. Можно ли в наказание за это подвергать «борьбе на уничтожение и беспощадному терроризму» целые народы! Даже удивительно, что и до сих пор товарищи, охраняющие марксизм от «нападок», оправдывают всю систему подобных «ошибочных положений» Энгельса.

Заключение: зачем все это ворошить сегодня

Эффект от рассмотренных выше трудов Энгельса был в советское время незаметен - мало кто в СССР читал полное собрание сочинений. Но часть интеллектуальной политической элиты, из которой выросли кадры перестройки, читали Маркса и Энгельса очень внимательно. И от этих работ они получили очень много - и заряд евроцентризма, и смелость мысли, делящей народы на прогрессивные западные и реакционные славянские, и прокаленную русофобию. А главное, получали наметки эффективной политической технологии, оперирующей категориями этничности, а не классов и социальных групп. Просто в формулы этой доктрины антисоветская часть нашей элиты «подставила» в качестве реакционного народа, который прогрессивные нации имеют право и должны стереть с лица земли, советский народ[2]. Его и было решено демонтировать, освобождая жизненное пространство и ресурсы для цивилизации.

Что же побудило к написанию этой работы сегодня? В какой мере труды Маркса и Энгельса середины XIX века виноваты в том, что поколения партийной элиты СССР середины XX века в своем сдвиге к национальной измене собирали все интеллектуальные средства, помогающие им в их антисоветском проекте? Это - сложный вопрос истории и социодинамики культуры. Если бы инструменты, изготовленные Энгельсом, остались втуне, они нас вообще не интересовали бы. Но

поскольку они работают и сегодня, надо их изучать, а вина или невиновность в этом лично Маркса и Энгельса никакого значения не имеют.

При подготовке этой работы также не сыграло существенной роли возмущение тем высокомерием, с которым Энгельс высказывался о множестве народов, а также его русофобией. Дело прошлое, обижаться на такие вещи глупо, никто не стал бы из-за этого корпеть над книгами и сочинять тексты.

Причин, по которым представилось необходимым сделать данную работу, две.

1. Мы стоим перед фактом, который невозможно отрицать: советское обществоведение, в основу которого была положена методологическая концепция марксизма, оказалось несостоятельно в предсказании и объяснении того кризиса социальной системы и национальных отношений, который был резко обострен и доведен до катастрофы партийно-государственной элитой СССР. Речь идет о фундаментальных ошибках, совершенных целой социальной группой, так что объяснять эти ошибки глупостью, продажностью или предательством отдельных членов или клик в руководстве КПСС невозможно. Те методологические очки, через которые смотрела на мир вся эта социальная группа, фатальным образом искажали реальность.

Эти же очки были надеты системой образования практически на всю интеллигенцию - и она тоже оказалась методологически беспомощной перед лицом реальных общественных процессов в СССР. Критический анализ методологического оснащения доктрины марксизма является для постсоветского общества абсолютно необходимым, а для интеллигенции он представляет профессиональный долг. Этот анализ тем более актуален, что как правящая верхушка, так и оппозиция в РФ продолжает, хотя частью бессознательно, в своих умозаключениях пользоваться интеллектуальными инструментами марксизма - смена идеологических клише «победившей» частью общества на это никак не влияет. Оппозиция при этом просто наследует и воспроизводит методологическую беспомощность КПСС.

Поскольку главные общественные процессы протекают в сфере социально-экономических и в сфере национальных отношений, критическому анализу должны быть подвергнуто прежде всего методологическое оснащение марксизма именно в этих сферах. На это и направлена данная работа.

Вот прогноз Энгельса, в котором он соединяет социальное (формационный подход) с национальным (цивилизационный подход), категории классовые и этнические. Этот прогноз вытекает из его анализа революции 1848 г. как столкновения революционных и реакционных народов:

«Ни в какой стране господство буржуазии невозможно без национальной независимости. Поэтому революция 1848 г. должна была привести к единству и независимости тех наций, которые до того времени их не имели: Италии, Германии, Венгрии. Очередь теперь за Польшей. Итак, если революция 1848 г. и не была социалистической, то она расчистила путь, подготовила почву для этой последней» [Соч., т. 22, с. 382].

Таким образом, согласно Энгельсу, итог 1848 года таков: революционные народы обрели национальную независимость, и она расчистила им путь к социалистической революции. Почему же социалистическая революция была совершена как раз наиболее реакционным народом - русскими[3]?

Явная ошибка прогноза Энгельса, который он публикует в 1893 г., практически уже в ходе русской революции, и при этом нисколько не отказывается от своих установок 1849 года, говорит о несостоятельности методологии его анализа. Как же обходят марксисты это несоответствие? Образованные ортодоксальные марксисты считали советскую революцию в России не только не социалистической, но даже реакционной. Они призывали социалистов Европы к крестовому походу против Советов (Аксельрод).

Начиная с 60-х годов XX века и в самом СССР нарос новый слой таких образованных марксистов, они посчитали советский строй неприемлемым искажением и профанацией марксизма - и стали готовить свой антисоветский проект, который и осуществили при поддержке «прогрессивных народов Запада». Мы же, если не вникнем в те свойства методологии Энгельса, которые послужили интеллектуальным инструментом для антисоветских сил, не выберемся из этой ловушки.

В приведенной выше оценке Энгельсом смысла революции 1848 г. есть и другое прогностическое положение. Он пишет:

«Повсюду эта революция была делом рабочего класса... Но одни только парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй. Однако, хотя они и сознавали неизбежный антагонизм, существующий между их собственным классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ни духовное развитие массы французских рабочих не достигли еще того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство» [19, с. 381].

Не достигли еще! Но ведь после 1848 г. во Франции происходило быстрое экономическое развитие, а также «духовное развитие массы французских рабочих». Маркс издавался массовыми тиражами, действовали сильные марксистские партии, марксисты руководили вооруженными силами Сопротивления, марксист несколько сроков был президентом - почему же призрак Коммунизма все дальше и дальше уходил из Франции? Надо признать как факт, что методологический инструментарий, с помощью которого Энгельс вел свой анализ и давал свои прогнозы, является негодным. Не в мелочах, а в главном, в отношении фундаментальных процессов - как социальных, так и национальных.

2. Вторая причина в том, что, как показал опыт, эффективные программы по мобилизации или, наоборот, разрушению обществ реально проводятся путем обращения не к классовым понятиям, а к понятиям этничности (племя, народ, нация). Раньше это казалось просто обыденным фактом «низкого» уровня, вынужденной уступкой низкому классовому сознанию людей или даже демагогией правящих слоев. Однако чтение трудов Маркса и Энгельса неожиданно показало, что когда они берутся объяснять события, угрожающие, по их мнению, западной цивилизации (например, подавление русскими войсками революции 1848 г. в Венгрии), они отставляют в сторону свой аппарат классового анализа и переходят на жесткий язык этнических понятий. Значит, это и есть действительный методологический инструментарий западной элиты в ее программах мироустройства. Не зная

С.Г.Кара-Мурза. Основания марксизма: этничность в тени классовой теории (Продолжение. Начало на стр. 17)

этого и пытаясь применить к реальности аппарат классового подхода, мы в этой «войне народов» оказываемся намного слабее, чем могли бы быть (12).

Последняя кампания холодной войны, которая привела к поражению СССР, это показала красноречиво. Она вся была проведена с упором на этнические категории и мотивы. В одних случаях растравлялись, гипертрофировались и актуализировались национальные противоречия в прямом смысле слова. В других случаях применялась манипуляция с демократическими ценностями - демагоги обращались к демосу, то есть, опять-таки к «народу», а не классу. Перестройка представлялась как война двух народов - демоса и совков. С прямым обращениям к квазиэтническим категориям выходили на площадь актеры и режиссеры «оранжевых» революций, а сами эти революции представлялись битвой «прогрессивного» и «реакционного» народов (подобно битве «революционных» народов 1848 г. с реакционными славянами у Энгельса или даже битве революционного народа Германии с реакционным большинством населения, которое в силу своей реакционности лишается статуса частиц народа).

Накопилось достаточно свидетельств того, что под прикрытием отвлекающей стрельбы классовыми («формационными») понятиями вроде «рынка» или «капитализма» политтехнологи Запада и их службы на постсоветской территории ведут работу по демонтажу наших «реакционных» народов и по сборке новых «демосов», по своим качествам соответствующих целям метрополии. Изучение работ Энгельса, пылящихся в архиве, укрепило уверенность в том, что здесь - важная и актуальная для нас область обществоведения.

Литература

1. Ф. Энгельс. Борьба в Венгрии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 175-186.
2. Ф. Энгельс. Демократический панславизм. Соч., т. 6, с. 305-306.
3. Ф. Энгельс. Революционное движение. Соч. т. 6, с. 159.
4. Ф. Энгельс. "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии", соч., т. 21, с. 310.
5. Ф. Энгельс. Революционное восстание в Пфальце и Бадене. Соч., т. 6, с. 568-570.
6. Ф. Энгельс. Германия и панславизм. Соч., т. 11, с. 202-208.
7. Соч., т. 35, с. 220.
8. Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 160.
9. Ф. Энгельс. "Kölnische zeitung" о борьбе мадьяр. Соч., т. 6, с. 324-325.
10. "Манифест Коммунистической партии". Соч., т. 4, с. 435.
11. Ф. Энгельс. О социальном вопросе в России. Соч., т. 18, с. 537.
12. К. Маркс. Буржуазия и контрреволюция. Соч., т. 6, с. 109-134.
13. Ф. Бродель. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: Языки славянской культуры. 2002. С. 468.
14. E. Bernstein. La socialdemocracia y los disturbios turcos. – Цит. по: A.Cheroni. La ciencia enmascarada. Montevideo: Universidad de la República, 1994. P. 89-90.
15. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2. Т. 8. С. 103-107.
16. К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». Соч., т. 18, с. 579-624.
17. В.И.Ленин. Соч., т. 25, с. 255-320.
18. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. XIII.
19. Ф. Энгельс. К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1893 года. - Соч., т. 22, с. 381-382.

Сноски

(6) В 1848-1849 гг., когда революционные события были перед глазами или еще свежи в памяти, Энгельс и не думал отрицать, что движущей силой революции была демократическая буржуазия или, как в Польше и Венгрии, дворянство, преследующее национальные цели. Это «социальное» измерение маскировалось введением категории революционного народа (немцы, мадьяры и поляки). Позже Энгельс изменил акценты и в 1893 г. писал: «Повсюду эта революция была делом рабочего класса, именно он строил баррикады и расплачивался своей кровью» [Соч., т. 22, с. 381].

(7) Примечательно, что, по мнению Маркса, даже в «затаеннейших мыслях» никто не осмелится предположить, что социальная революция может и не быть европейской.

(8) Это, наверное, можно считать мелочью по сравнению с фундаментальными свойствами марксизма, но в реальной политической практике марксистов и эта мелочь сыграла большую негативную роль. Марксисты, во всяком случае, российские, советские и постсоветские, восприняли от своих учителей Маркса и Энгельса крайнюю нетерпимость к любому сомнению и малейшей критике их доктрин и установок. Их отповеди оппонентам обычно носят разрушительный характер, со страстью и применением методов, недопустимых в дискуссиях, направленных на конструктивное разрешение расхождений.

(9) Речь идет о стремлении к воссоединению белорусов и малороссов восточной Польши с Россией.

(10) Ленин отклонил попытку навязать ему разбор этих трудов, применив полемический прием: мол, классики, конечно, правы - для тех конкретных стран и моментов. А мы говорим о России и совсем в иной момент. Он пишет: «Нам говорят... что Маркс вот так-то оценивал польское и чешское национальное движение в конкретных условиях 1848 года (страница выписок из Маркса), что Энгельс вот так-то оценивал борьбу лесных кантонов Швейцарии против Австрии... (страничка цитат из Энгельса с соответствующим комментарием из Каутского), что Лассаль считал реакционной крестьянскую войну в Германии в XVI веке и т.п... Читателю интересно еще и еще раз вспомнить, как именно Маркс, Энгельс и Лассаль подходили к разбору конкретно-исторических вопросов отдельных стран. И, перечитывая поучительные цитаты их Маркса и Энгельса, видишь с особой наглядностью...». В общем, выходило, что Ленин подходит к вопросу именно так, как это делали Маркс и Энгельс, а его оппоненты не желают или не умеют пользоваться методологией марксизма. Но Ленин мог применять этот демагогический прием только потому, что в 1914 г. ни у кого в партии, кроме десятка начетчиков, не было ни времени, ни желания копаться в этих выписках из трудов классиков. В теорию не вникали, а Ленина поддержали исходя из доводов рассудка.

(11) Насколько жесткой была дискуссия, видно из того, что одновременно с уступками и реверансами Ленин использовал и скрытые угрозы, наверняка понятные его оппонентам. Так, он вскользь упомянул о большом письме Энгельса Марксу от 23 мая 1851 г. [19]. В нем он в крайне нелестных выражениях говорит о Польше как о никчемной и «конченой» нации. Будь это письмо обнародовано в России, это вызвало бы шок в среде не только польских марксистов, но и во всем социал-демократическом движении России. Этого оппоненты Ленина, конечно, не хотели.

(12) Битва народов - «архетипический» образ Энгельса. Одно из своих ранних философских произведений он заканчивает так: «День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами!» [Соч., т. 41, с. 226].

Штык и молот

«Штык и Молот» официальная газета общественно-политического движения «Национал-Большевистский Фронт». Учредитель газеты и редактор «ШиМ» Журкин Максим.

Редакционный совет: Журкин Максим, Квазаров Илья, Шредер Ганс.
Связаться с нами можно по электронной почте: nbrussia@gmail.com
Наша группа в социальной сети «ВКОНТАКТЕ» http://vkontakte.ru/nazbol_nbf
Официальный сайт НБФ http://nbf.rossia3.ru/
Официальный сайт газеты «Штык и Молот» http://nbr.ucoz.org/

Подписано в печать
Заказ №
Объём п. л.
Тираж 999 экземпляров.
Распространяется бесплатно.